

Лариса Ильина

Вредность не порок

иронический детектив

16+

Лариса Ильина

Вредность не порок

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Ильина Л. А.

Вредность не порок / Л. А. Ильина — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Думаете, все самое интересное и необычное происходит только в столице? С этим никогда не согласится юная москвичка Стася Белорецкая, приехавшая работать учительницей в небольшой городок российской глубинки. Ведь главное в жизни – самостоятельность! А уж если коллектив на работе отличный, и у тебя замечательные подружки... На лето можно снять дачу в чудесной соседней деревеньке, где хозяйничает добрейшая старушка! Можно пойти с подружками на местный пляж... Искать там наглого бандита и влюбиться по уши... И попасть в переплет таких странных и опасных событий, что не останется ничего больше, как бежать без оглядки... Без сокращений

© Ильина Л. А., 2002

© ЛитРес: Самиздат, 2002

– Стасенька, Стася! – Голос громыхнул где-то за садом, я поморщилась и снова устала на экран.

– Настенька!

Я молчала, словно гробовая доска, и старалась уменьшиться в размерах, надеясь, что так меня дольше не найдут.

– Настя, ты где?

«В Караганде!» – злобно подумала я.

Ну что за народ! Ни минуты покоя! Фильм мой любимый идет, «Свой среди чужих...», нет, с утра пораньше надо орать.

– Настька, куда ты подевалась?

Вопли раздавались уже под самым окошком. Плюнув, я поднялась с кресла, высунулась в окно и гаркнула:

– Ну?!

Внизу стояла Надька. Услышав меня, она испуганно вскинулась, задрала вверх голову и со вздохом плюхнулась на стоявшую под окном лавку. Я молча взидала на неё, а она, обмахиваясь зелёной веточкой, симулировала сильный испуг.

– Напугала-то, боже мой! – Она затрясла головой. – Чего орёшь?

– Это ты орёшь, словно тебя режут. Чего тебе?

– Чего, чего! – Надька всплеснула руками. – Ты так заорала, что я и забыла чего!

– Кино идёт... – заныла я, решив уладить проблемы по-хорошему. Препираться с Надькой – всё равно, что пытаться договориться с сосновой смолой. – Не хочешь посмотреть?

– Что за кино? – купилась подруга.

– «Свой среди чужих, чужой среди своих», – торопливо сообщила я, услышав за спиной, что сегодня ночью в камере Ванюкина уже убили.

– Ой, это там... этот, как его...

– Михалков!

– Нет ну этот... Красавец такой... Кайдановский, вот! Ой, как я его люблю!

– Не упускай последнего шанса, иди...

– Иду...

Она оторвалась наконец от лавки и потащила к крыльцу. Воспользовавшись передышкой, я плюхнулась в кресло. Дверь в комнату распахнулась до предела, в проёме возникла радостная подружка.

– Ох, всё-таки здорово здесь у тебя! – Она в очередной раз любовно оглядела мои хоромы.

– Да-а! – протянула я, не отрываясь от экрана. – Садись!

– Здорово! А бабка где? – Не обращая на меня внимания, Надька расхаживала по комнате.

– В город поехала.

– Сколько смотрю, столько удивляюсь: и зачем ты сюда столько денег вгрохала? Живешь здесь только в каникулы, да и то, выпустишь свой класс, ведь уедешь? Уедешь же, скажи, Стаська? Что тебе после Москвы в нашей дыре делать? Нет ну, ей-богу, не видела я другой такой бабы! Оторвись ты от ящика-то!

Конечно, другой такой Надька видеть не могла. Мое мировоззрение иной раз так сильно расходится с привычными, общепринятыми стандартами, что окружающие недоуменно качают головой и разводят руками. Вот как Надька только что... Потому как я – белая ворона. Явление в природе очень редкое. Но здесь, в небольшом провинциальном городе, куда сама судьба направила меня по распределению, я никого об этом не информировала, поэтому просто сказала:

– Надежда! Ты ведь Кайдановского любишь? Да?

– Ну?

– Тогда сядь и уймись. Вот он, смотри, идет, красавец, чего тебе ещё надо? Полчаса всего осталось, будь человеком, дай досмотреть!

Надька обиженно повздыхала и уселась в кресло лицезреть любимого актера.

Но вскоре я убедилась, что о своей страстной любви Надька явно соврала, потому что через три минуты начала вертеть головой и вдруг радостно крикнула:

– А что у тебя там валяется?

В этом вся Надька. Энергия в ней просто плещет через край. Несомненно, она нашла свое призвание в жизни, став учителем физкультуры старших классов. Раньше, конечно, она мечтала совсем о другом. Занимаясь плаванием, она получила КМС, но на одной из тренировок поскользнулась на мокром кафеле, заработав сложный перелом плеча. Но унынию предаваться не стала, а просто пришла в школу. И в отличие от всех известных мне учителей физкультуры она не просто отдает указания своим подопечным, но и сама носится впереди них, словно антилопа.

– Что это, а? – Не дождавшись ответа, Надька, распрямившись, как пружина, вскочила и сунулась под стоящую рядом с окном этажерку с книгами.

Я раздраженно глянула на подругу и подумала: «Ну куда эта козья радость опять полезла?»

– На! – С видом человека, не требующего благодарности за труды, она протянула сложенный вчетверо лист белой бумаги.

– Молодец! Спасибо! – Я уже разозлилась и рявкнула: – Сядь, или, ей-богу, выгоню!

Подруга поджала губы и села. Я, не глядя, скомкала лист и бросила в корзину для бумаг.

Следующие двадцать минут дались Надьке нелегко, но она выдержала испытание с честью, при этом почти даже не шевелясь. Оценив такое самопожертвование, с первыми же финальными титрами я повернулась к грустной подружке.

– Надюха! – Я ласково глянула и улыбнулась, испытывая теперь некоторое чувство вины. – Что тебе надо?

Она надула губы, чтобы показать, как безвинно страдала, но через пять секунд не вытерпела и ответила:

– На улицу 50-летия Октября... ну ту, что за Иркиным домом... Понаехало вчера вечером наро-оду! Пропасть. Машин десять, а то и больше. Всё иномарки... джипы. Огромные! Один с наш сарай, ей-богу! Чистый Голливуд! – Она перевела дыхание. – И всё мужики, мужики. Здоровы-ые!

Надька умолкла и уставилась на меня, видимо, ожидая, какую реакцию вызовет подобное сообщение. Не понимая, чего именно она от меня ждёт, я ответила:

– А! Здорово!.. И что?

– Ничего. – Я собралась взорваться, но Надька торопливо добавила: – Я только хотела уточнить: две семёрки – это ваши, московские?

– Какие семёрки? – не поняла я.

– Ну автомобильные. На номерах.

– Ах, это! – протянула я, обрадовавшись, что отделаюсь так легко. – Это наши, московские.

– Ясно. Значит, из Москвы прикатили! Далековато в гости ездят. Да бог с ними. Пойдем, может, искупнёмся? Чего в жару в доме торчать? – Но я ясно видела, что Надька не выбросила из головы свои вопросы, а крепко задумалась.

– Пойдём. Только быстро. Мне к трём в город надо, Евдокия Ивановна просила в школу заглянуть. А у Лёши Борисенко папа как раз едет, обещал подбросить.

– А что там? – удивилась Надька. – Я ничего не знаю.

– Да это только по моим. По младшим...

– Вот неймется вам! – всплеснула руками Надька. – Лето только началось! Евдокия на школе завернулась, и ты, смотри, с ней чокнешься. Охота с дачи таскаться? Ещё сто раз успели бы.

– Да чего тут таскаться-то, Надь? На автобусе двадцать минут...

– Не двадцать, а полчаса!

– ...А на машине вообще пятнадцать! И Евдокия Ивановна попросила, ты же понимаешь, мне ей неудобно отказать. Она женщина пожилая, во-первых, во-вторых, сама знаешь, золотой человек, никому никогда не откажет. Так что я лучше съезжу, зато потом буду свободна.

– И то правда, – согласилась Надька.

Завуча младших классов Евдокию Ивановну в школе любили все и за доброе сердце прощали порой некоторую приставучесть.

Надька вскочила на ноги.

– Давай переодевайся, а я Ирку позову. Она сказала, если ты пойдёшь, и она пойдёт.

– Давай! – кивнула я.

Хотя вообще-то не стоило соглашаться. Но кто ж наперёд знает?

Деревня Горелки, расположенная в двадцати минутах езды от старинного промышленного города российской глубинки, где я уже два года исправно трудилась учителем начальной школы, была своеобразным дачным посёлком.

Начавшая активно хиреть вместе с началом перестройки деревня зачала бы окончательно, не появившись у новых русских, еврейских, татарских и прочих «новых» мода на дома в ближайшем пригороде. А поскольку у живущих в этом городе людей, имеющих деньги, ближайшим пригородом оказались Горелки, то участь деревни была решена. Немногочисленные уже старички и старушки, с горем пополам доживающие здесь свой век, были невероятно удивлены, когда в одну из весен на деревню словно свалилась с неба армада строителей, техники и прочих признаков цивилизации. Двух- и трёхэтажные коттеджи росли, словно грибы после дождя. В Горелках появился газ, вполне сносный водопровод, улицы выравнивали гравием, похоронив вековую непротаскиваемую жижу. Вновь стал функционировать местный магазин, появилось несколько торговых палаток и даже такое совершенно невиданное заведение, как бар «У Лизы». Таким образом, увлечение нуворишей принесло ещё одну большую пользу: благополучно забывшие стариков родственнички взяли за правило приезжать сюда на отдых, не имеющие родственников снимали на лето дачи, деревня стала людной и обжитой.

Бывать в Горелках стало модно.

Честно могу признаться, что не приезжать сюда работать у меня было множество возможностей. Но моя беловоронья натура и тут дала себя знать, молча и с удовольствием приняв распределение. Во-первых, по моим понятиям, это должно было закалить мой характер. Во-вторых, знакомство с жизнью жителей глубинки существенно расширило бы мой кругозор. В-третьих, это то, что называют жизненной школой.

О решении своем я не пожалела ни разу. Явившись в первый раз в местное управление по образованию, я наткнулась на секретаршу и объяснила ей суть моего появления. Минут десять после этого я чувствовала себя марсианкой, непонятным образом очутившейся на незнакомой планете. Потому что секретарша, выпучив глаза, разглядывала меня, словно чудо природы, задавала глупейшие вопросы, повторяла их по пятому разу и заикалась. Признаюсь, мне это надоело и я посоветовала ей позвать человека хотя бы говорящего членораздельно. Это немного привело несчастную в чувство, указательным пальчиком она шлёпнула по кнопке селектора, и просипела:

– Вероника Константиновна, к вам тут...

Следующие полчаса также проходили под вывеской «Цирк». Вышеупомянутая Вероника Константиновна некоторое время отказывалась поверить моим клятвам, что я явилась из столицы и намереваюсь отработать в местной школе три года. Мой диплом в красной корочке она разве только не попробовала на зуб. Вскоре в её кабинет сбежалась половина сотрудников управления, с другой половиной я познакомилась лично, в то время когда меня передавали из кабинета в кабинет словно призовой кубок. В конце концов, эйфория кончилась, на радостях властями было решено предоставить мне аж целую однокомнатную квартиру, почти рядом со школой.

Я быстро подружилась с учительницей русского языка и литературы Ирккой Кошкиной и уже известной вам Надеждой Семёновной Зусек. Они-то и посоветовали мне жить во время выходных и каникул в Горелках. У подружек там проживали родственники, и девчонки наперебой звали меня к себе. Чтобы не обижать ни ту, ни другую, я решила снять комнату самостоятельно.

Приехав в Горелки, побродив немного по деревне и подивившись размаху и фантазии строительства, я остановилась словно вкопанная, у небольшого, но очень аккуратного двухэтажного домика. Сопровождавшие меня Ирка и Надька переглянулись и в один голос воскликнули:

– Анастасия! Только не здесь!

– Почему не здесь? – удивилась я, решив, что здесь и только здесь. – Что, много народу живёт?

– Один человек живет. Но какой! Бабка Степанида восьмерых стоит. Кто только у неё ни снимал, все сбежали. Чуть что не по ней – всё, крышка! И думать забудь, пошли дальше!

– Ага, – сказала я, направляясь к резной калитке. – Я одним глазком.

– Стаська, вернись, не валяй дурака! Стаська, мы уходим! – встревоженно закричала мне вслед Ирка, но я уже стучала в крашенную синей краской дверь.

– Иду, иду! – услышала я зычный голос, потом недовольное бормотанье: – Ходют, колошматют, как оглашенные...

Дверь распахнулась, и я увидела высокую худую старуху, смотревшую на меня подозрительно и с неудовольствием.

– Здравствуйте! – медовым голосом протянула я, на что старуха кивнула, но поморщилась. – Хозяйка, комнатки сдаются?

Она не торопилась отвечать, словно прикидывая, стоит ли со мной связываться, но в конце концов проронила:

– Комнатки? Это у кого, может, и комнатки, а у меня комнаты. Хорошие, большие да светлые. Да тараканов нет, как у некоторых.

– А посмотреть реально?

Старуха удивленно вскинула брови и качнула головой:

– Ишь ты... Реально! Деньги-то у тебя есть, реальщица? Я дорого возьму. Да кавалеров водить не позволю. Вот это реально?

– Как скажете. Водить, платить – хозяин барин. Идёт?

– Быстрая какая! Может, тебе не понравится у меня?

– Чтобы это узнать, я думаю, надо зайти в дом.

– Я порядка потребую!

– Я тоже... люблю...

Бабка Степанида поджала губы, хмыкнула и отступила, пропуская меня в сени. Воспользовавшись предложением, я прошла внутрь. В доме всё выглядело так, как я и ожидала: просто и чисто.

– А какую комнату предложите?

Хозяйка молча кивнула на одну из дверей. Я зашла в комнату, подошла к окошку и выглянула на улицу. Девчонки маетно топтались на прежнем месте, с опаской поглядывая на крыльцо. Вероятно, они ожидали моего эффектного вылета с вражеской территории. Я улыбнулась и крикнула:

– А кто-то сказал, что уходит!

Они с удивлением перевели взгляд с крыльца на окно и захлопали глазами. Видимо, расстроились, не увидев ожидаемого.

– Ну чего там? – спросила Надежда.

– Ничего. – Я пожала плечами. – Всё в порядке.

Вернувшись к бабке, я спросила об оплате. Она ответила, причем действительно назвав довольно высокую цену. Но цена меня не испугала. Не то чтобы в школе я зарабатывала невероятные деньги, конечно, нет. Зарплату там задерживали, как и везде, безденежье стало привычным. Дело в том, что моя несравненная мама, Вера Николаевна, настояла, чтобы, как она выразилась, мне «немного помогать материально». Небольшая помощь выливалась в ежемесячные переводы, поэтому я, дорожа самостоятельностью, долго пыталась бороться с подобными проявлениями родительской опеки. Но недаром моей мамой была именно моя мама, а не кто-нибудь другой! Неравная борьба ни к чему не привела. В конце концов я решила кончить дело полюбовно и сдалась, выторговав взамен ежемесячных личных посещений любящих родителей еженедельный разговор по телефону. Для чего приходилось идти на переговорный пункт, так как телефона у меня в квартире не было. Мама сначала возмущалась этим обстоятельством, порываясь лично устроить разборки на местной телефонной станции. Мне стоило больших трудов удержать её от этого шага, но мама тут же предложила сотовую связь, на что я радостно ответила, что она здесь не берёт. В результате я получила почти полную самостоятельность, а моя сберкнижка превратилась в некоторое подобие кассы срочной взаимопомощи для меня и моих коллег, с небольшим отличием от привычной схемы – тут был лишь один вкладчик.

– Так что? – спросила наконец бабка Степанида. – Согласна?

– Согласна. – Я улыбнулась. – Сегодня можно переехать?

Быстро переодевшись в купальник, я натянула коротенький весёлый сарафанчик, сунула в соломенную сумку полотенце. пляж здесь замечательный. Сама речка не слишком глубока, зато дно – один песок, безо всякого ила. Эта водная артерия, соседствующая с Горелками самым выгодным образом, сыграла далеко не последнюю роль в популяризации деревни. Купаться летом в городе было негде, если не считать нескольких заросших прудов да фонтана на центральной площади.

Стоя посреди комнаты, я раздумывала, что ещё прихватить с собой, и на глаза мне попала корзинка для бумаг. И я вдруг вспомнила о Надькиной находке, подошла и достала скомканную бумажку.

– Так, так... Уважаемая Анастасия Игоревна, – я быстро читала, машинально отмечая многочисленные грамматические ошибки, – без подписи, отлично...

Что за белиберда? Бред какой-то... Я повертела листок, на обратной стороне, внизу и вверх ногами, было начато: «Дор...», затем зачеркнуто двумя штрихами. Кто-то сначала решил обратиться ко мне «Дорогая»? А потом передумал, перевернул лист и написал «Уважаемая».

Я снова заглянула в листок и прочитала уже более внимательно:

«Уважаемая Анастасия Игоревна. Хочу вас предупредить что бы вы вели себя осторожно, одни лучше никуда ни ходили. Лучше побыть дома. Особенно вечером. Извините если что не так».

Я вертела листок так и этак, но больше никакой информации не получила.

– Если это Надькины штучки, – грозно сказала я вслух, – то она об этом пожалеет.

– Стаська, ты готова? – раздалось за окошком.

– Готова! – крикнула я. – Сейчас ещё кто-то будет готов... для кремации!

Выйдя за калитку, я подошла к подружкам.

– Твои проделки? – спросила я, трясая листком перед Надькиным носом. – Ни капельки не смешно.

– Чего ты? – удивилась Надежда, выхватывая листок. – Что это?

Пробежав глазами текст, она посмотрела на меня. Во взгляде сквозило искреннее удивление.

– Что это ещё такое? Я-то при чём?

– Это я и хочу выяснить. Кто здесь при чём.

Молчавшая до сих пор Ирка взяла листок, прочитала и крикнула, качая головой.

– Знаешь, – неуверенно протянула она, – если бы меня спросили, то я сказала бы, что это почерк Володи Савченко...

– Из десятого? – с недоверием спросила Надька.

– Ну да.

– Это как ты определила? – Я понимала всё меньше.

– Как, как! Учится он у меня. Представь себе: физика, химия и прочее – «пять». Литература и русский – еле-еле тройка. До слез иной раз доведёт, просто не веришь, что человек такие перлы может выдавать. А почерк смотри какой красивый. Как мне его не узнать?

– А он подобными шутками когда-нибудь отличался? – спросила я у Ирки.

– Да нет вроде. Парень он, в общем, серьёзный. Семейка у него так себе, а сам он ничего. Хотя как чужую душу разберешь?

– Это точно, – согласилась Надька и добавила: – Только если мы здесь ещё полчаса протопчемся, ты в город наверняка опоздаешь.

На пляже почти никого не было. Только мамаша с двумя детьми да две девчонки лет пятнадцати, растянувшиеся на полотенцах.

– А я такая умненькая девочка! – пропела Надька, доставая из объёмного баула сверток. – Не знаю, кому как, а мне на пляже первым делом есть хочется, потом уже всё остальное!

Она вытащила небольшую салфетку, принялась раскладывать малосольные огурчики, вареные яйца, чёрный хлеб, помидоры и маленькие охотничьи колбаски. У меня сразу же забурчало в животе, хотя я точно помнила, что недавно позавтракала. Ирка задумалась на мгновение, потом достала из сумки бутылку газировки.

– А то вдруг пить захочется? – пояснила она, бухаясь на живот и отрывая зубами кусок колбасы.

Я немедленно последовала её примеру и, весело двигая челюстями, спросила:

– А от меня, я так понимаю, ожидалась пол-литра?

– Ага! – Надька увлеченно чистила яйцо. – Только почему поллитровка? Ожидалась литрушка!

Мы принялись хохотать, пока не выяснили в конце концов, что я теперь должна подружкам пятилитровую канистру чистого медицинского спирта.

– А вы не описаетесь после пяти литров? – вежливо спросила я, а Надька ответила:

– Нет. После пяти литров писаться будет уже некому!

Ирка покатила со смеху, да так, что чуть не подавилась. Мы с Надькой, конечно же, сразу начали колошматить её по спине в спасательных целях. Она с писком отбивалась от нас и кричала, что у неё давно все в порядке, просто она собиралась чихнуть.

Навостившись, мы плюхнулись в рядок на животы.

– А когда я была маленькой, – сказала Ирка, – на пляже секунды не могла просидеть. Сразу в воду. Пока не посинею. А как посинею, меня начинали вылавливать, а я сопротивлялась. Меня иногда прямо за ноги тащили. За что поймают, за то и волокут. Особенно тяжело было бабушке с дедушкой, они потом со мной купаться идти боялись!

Мы с Надькой от души повеселились, представляя вытаскиваемую за ноги Ирку.

– Все малыши, наверно, любят купаться. Вон посмотри, как та тётка мучается, – я показала на нашу соседку по пляжу.

Её младший пацан, вытащенный из воды, сидел синий и скрюченный на песке, но от полотенца гордо отказывался в знак протеста. Как только матери надоело стоять около него с полотенцем и она отвернулась, он, словно краб, бочком-бочком засеменил к воде.

Мы засмеялись, а Надька крикнула:

– Мамаша, ваш ребенок смылся!.. То есть убежал!

Несчастная мать резво повернулась и увидела сынка почти у самой воды.

– Ну, Колька, – еле сдерживаясь, чтобы не прибить любимое чадо, закричала она, – иди ко мне или тебе конец!

– Славный выбор! – сказала Ирка. – Надеюсь, он не выберет смерть в пучине.

Несчастное дитя, терроризируемое матерью и преданное зловредной тёткой, поплелось с видом каторжника в семью. Проходя мимо нас, он повернул голову и с удовольствием показал Надьке язык. Мы с Иркой ткнулись носами в покрывало и завyli от смеха, а Надька зашипела:

– Ух ты, блоха иерихонская! Сейчас опять матери скажу!

Дитя поспешно ретировалось, а я спросила:

– Что это за блоха такая? Откуда тебе знать, что в Иерихоне были блохи?

– А где их не было? – пробурчала Надька и засмеялась.

Пока мы веселились, семейство вдруг начало резво собираться домой. До этого они вроде не торопились, ели апельсины, Колька с сестрой, конечно, бросались корками. А сейчас мать строго прикрикивала на детей, те быстро и послушно собирали разбросанную одежду. Они поднялись. Перед тем как уйти, женщина сказала:

– До свидания! – потом почему-то тревожно глянула за наши спины и ушла догонять детей.

– До свидания! – в один голос гаркнули мы, а я, конечно, не вытерпела и оглянулась.

Я быстро уяснила причину поспешного ухода женщины с детьми: за кустом, метрах в тридцати от нас, возле маленького симпатичного столика, неторопливо раскладывала вещи компания, человек десять. Состав вновь прибывших был чисто мужским, вероятно, по этой самой причине контролировать в дружеской беседе отдельные слова и обороты считалось излишним. Вели они себя непосредственно, словно дети, и располагались, похоже, надолго.

«Не люблю я подобные компании», – подумала я и вслух сказала:

– Кому где, а меня такие компании не воодушевляют! – и кивнула в сторону мужиков.

Подружки разом посмотрели назад, потом переглянулись.

– Они? – спросила Надька Ирку.

Та кивнула:

– Они самые.

– Никак ваши друзья? Что вы тут, как у гроба с покойником, шепчетесь? В кусты идите или объясните толком: кто «они»?

– Не бузи. – Ирка явно расстроилась. – Главное, искупаться не успели.

– Это те, Стаська, про чьи номера я тебя спрашивала.

– А! Чего ты, Ирка, расстроилась? Пойдем да искупаемся. Боятся их, что ли?

– Ну не то чтобы... – протянула Надька. – Просто... Как бы это сказать? На академиков они не похожи. На инженеров тоже. Цепи – гляди, в воду полезут, утонут. Расписаны как сервизы гжельские, на целую Третьяковку хватит... Мне в голову только одно приходит...

– Уголовники, – быстро подсказала я.

– Вот-вот! Они самые.

– Хотя, с другой стороны, – рассудила я, – я лично знаю пару человек, отсидевших в тюрьме, и ничего, приличные ребята.

– Так-то оно так, – согласилась Ирка, – но как это проверить?

– Тоже верно, – пришлось мне согласиться.

Посоветовавшись, мы решили следующее: искупаться без выкрутасов, выйти, по сторонам не смотреть, на окрики (если будут) не реагировать. Берем вещи, а переоденемся в кустах, что под горкой.

– Только не ходите как циркули, – напомнила я. – Это внимание привлекает, будьте естественны.

От жизнерадостной компании, судя по веселью, уже принявшей по первой, нашу лежанку закрывали кусты. Поэтому мы не торопясь свернули покрывало, убрали весь мусор, оставив только одежду.

– И пойдём, виляя бедрами, и пойдём!.. – веселилась потихоньку Надька.

– Да, ёлки-палки, – сказала Ирка, заталкивая покрывало в сумку. – Как на боевое задание идём. И это у собственной речки!

– Да, дорогая. – Надька приняла сногсшибательную, но несколько неприличную позу. – Если бы на пляже было ещё человек пятьдесят, мы бы им показали, что к чему!

– Таким бугаям, по-моему, хоть сотня. И вообще, мне было бы спокойней, если бы у тебя был скромный, закрытый купальник, а не эти три шнурка.

– В самом деле, Надежда Семёновна, – поддержала я Ирку, – ужали бы как-нибудь свои небесные формы...

– Чья бы корова мычала! Думаешь, если у тебя купальник закрытый, так тебя вообще не видать?

– Ладно, хватит, пошли купаться, а то устраивают здесь цирк! – оборвала нас Ирка и пошла к воде.

Мы дружно бросились вдогонку.

Все наши опасения о неприличном поведении соседей оказались напрасными. Хотя мы и слышали парочку восторженных криков, никто с места не сорвался и на нас не бросился. Косясь незаметно на вражескую территорию, я насчитала девять человек. На нас они больше не обращали никакого внимания.

– Даже обидно, понимаешь! – прошипела Надька и захихикала. – Полчаса готовились, разучивали приемы рукопашного боя, а им хоть бы хны! Ну и мужики пошли!

Мне тоже стало смешно. Конечно, мы развили эту тему дальше и вскоре напрочь забыли и про мужиков, и про то, что я могу опоздать в город. Вода была такая тёплая, что сразу и не поймёшь, где теплее: в реке или на берегу.

Через несколько минут один из мужиков встал, потянулся и пошёл к воде, но не рядом с нами, а немного подальше. Пару секунд, забыв о приличиях, я смотрела на него, чуть не открыв рот: сложен он был словно молодой бог. Оглянувшись на девчонок, я заметила, что они тоже не оставили этот проход без внимания.

– Да-а! – протянула Надька. – Вот это я понимаю!

– Здоровый-то! – Ирка даже потрясла головой. – Где только таких берут?

– Ладно, вылезаем! – скомандовала Надька, и мы гуськом потянулись на берег.

Как оказалось, пока мы обсуждали достоинства молодого человека, на пляже произошли кое-какие изменения. Решив, очевидно, что они вели себя прилично достаточно долго, весёлая братия задумала развлечься более активно. Трое из них небрежной виляющей походкой направились к загорающим девочкам. Тут я сообразила, что девчонки, лежа на животах, не шевельнулись, наверное, с самого прихода сюда этой компании.

– Боже мой, да, по-моему, они просто боятся встать! – прошептала я.

Быстро одевающаяся за моей спиной Ирка пробормотала:

– Всё просто замечательно обошлось. Я уж и не ожидала...

– А ты что тут бормочешь, – подошла ко мне Надька, – чего стоишь отсвечиваешь? Одевайся скорее...

– Послушай, – я уже не отрывала взгляда от съездившихся на подстилке девчонок, – а не забрать ли нам их с собой?

– Кого? – ужаснулась Надежда. – Мужиков?

Тем временем мужики добрались до девчонок, остановились. Один из них присел на край полотенца и принялся гладить одну из девочек по голове, что-то говоря. Девочка быстро поднялась, одной рукой пытаясь подтянуть полотенце к себе. Вторая тоже встала и сделала попытку выдернуть из-под весельчака своё полотенце. Теперь уже вся компания с шутками и прибаутками наблюдала забавную сцену, давая товарищам различные советы. И вот один из троицы вдруг резко вырвал полотенце из рук первой девочки. Она не ожидала рывка, поэтому неловко упала на колени. И сразу же выхватили полотенце у второй. Девочка отскочила в сторону, а мужик средних лет, с седой, коротко стриженной шевелюрой, стал подходить к ней, чуть присев и широко расставив руки в стороны. Друзья надрывались от хохота, а резвые ребята старались вовсю. Подскочив к оцепеневшей девочке, Седой будто бы толкнул её, я не успела понять, но через мгновение он высоко поднял вверх руку с содранным с неё лифом купальника. Она вскрикнула и заплакала, жалко прижимая тоненькие ручки к груди. Ещё двое великовозрастных идиотов поднялись с лавочки, и подошли поближе.

Излишне говорить, что к этому моменту глаза мои были налиты не слезами, нет. Кровью, вязкой и горячей, словно кипятком, обволакивающей мозг приступом дикой ярости. Молча я схватила подвернувшийся под руку Надькин халат и, натягивая его на ходу, рванулась к девочкам. Сзади в ужасе забулькала Ирка, но я не остановилась.

Подлетев к месту увеселения игривых дяденек, я с размаху толкнула в спину седого мерзавца. Не ожидавший ничего подобного, он, нелепо взмахнув руками, полетел к воде. А я, не теряя времени, изо всех сил оттолкнула от второй девочки другого, маленького и толстого, опрокинув его на спину. Больше, пожалуй, времени на маневры у меня не осталось. Загородив собою ревущих девочек, я сжала кулаки и разве что не оскалилась. Опешившие в первое мгновение мужики опомнились. Кто-то спросил, недоумевая:

– Это что такое?

– Откуда взялась эта психованная?

– Это их мамаша, что ли?

– Это их папаша, говнюк, – зарычала я и, оглянувшись за спину, быстро приказала: – Немедленно взять вещи и бегом по тропинке! Бегом!

Развернувшись вновь к восьмерым мужикам, я почувствовала холодную струйку пота, побежавшую между лопаток. Выражение их лиц не было, в общем, чересчур зверским, но хорошего тоже не предвещало. Покосившись через плечо, я увидела быстро мелькающие босые пятки. Девчонки стремглав неслись вверх по узенькой тропинке, которую я в данный момент героически пыталась собой загородить. Но догонять детей, похоже, никто не собирался.

Мне пришло в голову, что сейчас было бы очень славно вежливо сделать книксен, сказать: «Спасибо за внимание!» – и быстренько удалиться в сторону родных кустов. Но мои новые приятели явно были с этим не согласны. К тому же двое уроненных мной на песочек дяденек

поднялись на ноги, отряхнулись и теперь явно направлялись ко мне. Седой проявил больше прыти, оказавшись около меня первым. Он молча выбросил в направлении моего лица кулак, и один бог знает, как мне удалось отклониться на пару сантиметров в сторону и вцепиться зубами в его руку чуть ниже локтя. После этого по инерции я начала заваливаться назад, но руку не выпустила, как хорошая собака. Мужик, взыв от боли, стал падать вслед за мной. Соприкоснувшись с землей спиной и затылком, я сжалась в комок, а мужик вдруг перелетел через меня кувырком и, наткнувшись на прибрежный бугорок, снова отправился в воду. Руку его я, конечно, к тому времени уже выпустила, чувствуя во рту тошнотворный вкус чужой крови. Вежливо откланяться захотелось ещё больше. Могу поклясться, что никаким подобным приемам по кусанию и прочему я никогда в жизни не училась, но что получилось, то получилось.

И если уж богу захотелось сегодня оставить мои зубы на месте, то, на мой взгляд, ему было пора опять вмешаться.

С трудом поднявшись на ноги, я вновь оказалась лицом к лицу с весёлыми ребятами. И почти что с безразличием увидела, что второй поруганный джентльмен всё ещё не оставляет попыток со мной сблизиться.

– Интересно! – властный голос с лёгкой хрипотцой перекрыл вдруг общий гомон и словно пригвоздил к месту коротышку.

Все как по команде развернулись лицом к лавочке, и я увидела немолодого мужчину, весьма, я бы сказала, привлекательного, если бы встретила его на скамеечке в парке Горького, а не здесь. Получив небольшую передышку, я глянула в сторону наших кустов и увидела Ирку и Надьку, застывших, словно истуканы. А Надька к тому же всё ещё не оделась. Тут я вспомнила, что её халат на мне, и обрадовалась, поняв, что стирать его придётся хозяйке.

«Хоть бы сбегали за кем, дуры!» – сердито подумала я, но тут главный (теперь я в этом не сомневалась) продолжил:

– Так испоганить день!

Он опечаленно качал головой, переживая, будто у него умер близкий родственник. Я же ломала голову, пытаюсь определить, про кого он говорит: про меня или про этих паразитов? От этого, по моим понятиям, зависело очень многое. Для меня, по крайней мере.

Вдруг сзади раздалось чуть слышное шуршание. Не успев оглянуться, я почувствовала, что вплотную ко мне кто-то прошел, явно намеренно задев плечом. И поскольку халат на плече тут же промок, я определила, что это тот самый блондин, что плавал рядом с нами. В чем я через мгновение и убедилась. Я незаметно оглянулась. Тропинка позади меня была пуста. А блондин преспокойно встал спереди, загородив необъятными плечами всю панораму. Честно сознаюсь, что созерцание его спины на какое-то время вытеснило из моей головы абсолютно все здравые мысли. Завороженно поморгав на всё это великолепие, я наконец решила, что хорошего понемножку. И стала потихоньку пятиться назад, рассчитывая, что, увидев меня на горке, девчонки догадаются убраться подальше.

Но не успела я сделать и одного шага, как блондин, не оборачиваясь, протянул назад здоровенную лапу и пребольно ухватил меня за запястье. Только я собралась взвизгнуть, больше от неожиданности, чем от боли, как он ещё сильнее стиснул мою руку. Проглотив собственный визг, я замерла. Это что же, пока командир говорит, шевелиться не положено? Я слабо дёрнулась и вновь ощутила дружеское рукопожатие. И, решив плюнуть, в конце концов, на всех, я решительно рванула руку, но не удержалась на ногах и плюхнулась на землю. Если не считать, что рука у меня чуть не оторвалась, всё обошлось благополучно.

Мой страж резко повернулся, наклонился и, словно куклу, вновь поставил меня на ноги, сурово бросив:

– Не валяй лучше дурака!

И через пару секунд я услышала:

– А ты, значит, решила нам тёлок заменить, так, что ли?

Все снова начали глазеть на меня, а широкоплечий сторож проволоком меня за руку и поставил перед главным.

Что тот говорил последние несколько минут, я полностью пропустила, разглядывая сногшибательную спину, поэтому не нашлась что ответить.

– Да, резва! – задумчиво добавил главный, разглядывая меня, словно верблюда в зоопарке.

Обойдя меня, затем столик, мой конвоир присел на лавку позади главного. Все остальные с обезьяньим любопытством ожидали, что будет дальше.

– Подойди, Сёма... Погляди, какой вред мужику нанесла! И кто? Баба!

Искоса глянув на подошедшего, я увидела его руку и внутренне содрогнулась. Было похоже, что это не я его укусила, а крокодил.

– За всё надо платить! – главный театрально развел ручками.

Тут мне показалось, что сидящий позади него с безразличным видом мой сторож что-то негромко сказал. Но главный, не дрогнув ни одним мускулом, продолжил:

– Я думаю, это справедливо...

– Я её быстро утихомирю... – прорычал, словно тигр, покусанный Сёма, качнувшись в мою сторону.

– А рук-то у тебя много, Сёма? – не поднимая головы и не поворачиваясь, спросил вдруг мой конвоир.

Мужики дружно заржали, даже у главного дрогнули губы, но он быстро спрятал усмешку. А мой конвоир вновь сказал ему что-то, чуть громче, но слов всё равно не было слышно, и я гадала: заступаете вы за меня или наоборот?

«Ну ты же хороший, скажи, чтобы меня отпустили. Вон ты какая здоровая чёртова горилла! Будь человеком хоть раз в жизни! – принялась я канючить про себя. – А ты, паразит, не тяни из меня душу! Я слабая женщина... хоть и кусаюсь... Сами виноваты, я подобной мерзости стерпеть не могу...»

Когда смех затих, главный лениво переменял позу, подпер рукой подбородок и, глядя на меня в упор, проронил:

– Ладно уж... гуляй пока, раз такая шустрая... Но... – он выдержал эффектную паузу, – ...лучше тебе на глаза нам не попадаться... особенно Сёме.

Он небрежно махнул в мою сторону рукой и отвернулся. Мужики, словно ровным счетом ничего не произошло, расселись кто куда, и только Сёма смотрел лютым волком. Конвоир мой встал, подошёл и, схватив меня не слишком галантно за шиворот, потащил через весь пляж к девчонкам. Подойдя поближе, он с силой толкнул меня к ним и усмехнулся:

– Получайте! – и добавил: – Александр Матросов хренов...

Не произнеся не единого слова, мы торопливо шагали к деревне. На самой окраине я притормозила и сказала:

– Стойте!

Девчонки мгновенно остановились, поглядывая на меня с виноватым видом.

– Слышь, Анастасия... – Надька хмурилась. – Ты извини, но знаешь... так быстро всё произошло... Короче, мы должны были тебе помочь, но... Лично я испугалась.

– Да ладно, – отмахнулась я, думая лишь о том, как бы сказать Надьке, что воротник её любимого халата почти совсем оторван таскавшим меня галантным джентльменом. – А вот халат...

– Стаська, ты как кошка за котят... – Ирка тоже волновалась и несла бред. – Мне очень стыдно, что мы тебя... не поддержали. Но... я так не умею.

– Ну и характер у тебя! Как рванула... – всё никак не могла успокоиться Надька.

«Да уж, – подумала я про себя, – сколько синяков и шишек я наполучала в жизни за этот характер! Пожалуй, надо сейчас сказать Надьке про халат, пока она так возвышенно настроена. Поправлю-ка ей настроение».

Надежда тем временем подошла и, обняв меня за плечи, с чувством сказала:

– Уважаю я тебя, Стаська!

Она похлопала меня по плечу, выражая тем самым признание моих заслуг перед Родиной, но физиономия у неё вдруг вытянулась. Отстранившись, она молча глянула мне за плечо.

«Эх, не успела! – с сожалением подумала я. – Сейчас начнётся!»

Но подходящих для момента слов у неё не нашлось. Она беззвучно хлопнула челюстью и опечалилась.

– Давайте переоденемся, что ли? – подхалимски предложила я. – Вот твой халат, Надя!

Тут Ирка глянула на часы.

– Стаська! Время десять минут третьего! Ты ж опоздаешь!

Я с визгом в мгновение ока стянула купальник, натянула сарафанчик.

– Труссы-то не забудь, бешеная! – съязвила-таки Надька.

– Никогда, дорогая! – ответила я, радуясь, что, судя по всему, буря меня миновала.

А с другой стороны, ведь не сама же я себя за Надькин воротник таскала?

Запихнув полотенце и мокрый купальник в сумку, я наскоро попрощалась с девчонками и вихрем понеслась к дому.

Добравшись до калитки, я внезапно остановилась. Наклонившись, присмотрелась к совсем свежим следам шин. Следы вели от дороги прямо к нашим воротам. Там они не прерывались. Глянув сверху, я увидела, что они ведут прямехонько к бабкиному сараю. И я на ходу стала гадать, что бы всё это значило.

Войдя в горницу, первое, что я увидела, было бесчисленное количество пакетов и коробочек. Из-за них появилась улыбающаяся бабка Степанида. А так улыбалась она в одном лишь случае – когда встречалась с моей мамой.

– Стасенька, малыш, а я уже стала волноваться, куда ты делаешь? – из дальней комнаты, раскинув руки, ко мне летела мама.

Я, конечно, заулыбалась. Потому что, хоть я и не люблю, когда меня зовут малышом и каждые три минуты волнуются, куда я подевалась, видеть маму я была рада.

Столкнувшись посреди горницы, словно два маневровых тепловоза, мы принялись обниматься, целоваться и нести всякую чушь. Пока мама старательно пыталась задушить меня в объятиях, краем глаза я увидела выходящего из комнаты папу. Затем и Стаса, маминого шофёра и по совместительству телохранителя, которого сразу не разглядела среди кучи сумок. Оба они довольно улыбались, дожидаясь, когда мама выбьется из сил здороваться со мной. Наконец она уgomонилась.

– Привет, па! – сказала я, обняв папу. – Привет, Стас! Как жизнь?

Стас заулыбался:

– Лучше всех! Как ты?

– Мама, папа! – опомнилась я. – Мне в город позарез надо! Вы располагаетесь, я быстро!

– Может, тебя подвезти? – спросил папа.

– Да не надо! – ответила я, одновременно услышав за окном автомобильный гудок. – Ой, это уже Алексей Викторович!

Высунувшись в окно, я крикнула:

– Алексей Викторович! Извините, ещё две минутки!

Отец моего ученика Лёшки Борисенко вышел из машины и ответил:

– Хорошо, хорошо! Не торопитесь, Анастасия Игоревна, успеем!

Он прислонился к машине и закурил. Я побежала в свою комнату, на ходу сунув маме пляжную сумку.

– Ма! Разбери сумку, пожалуйста, там купальник мокрый!

Быстро расчесав сырые ещё волосы, я влезла в более подходящий для школы наряд, чуть подкрасила губы.

Схватив папку с документами, я вдруг почувствовала такую сильную боль в руке, что от неожиданности папку выронила. Глянув на свою кисть, я увидела медленно, но верно набирающий сочный цвет синяк.

– Ох, ты! – растерялась я. – Как же Евдокии с таким показаться?

Выйдя из своей комнаты и пряча синяк за спину, я на ходу махнула здоровой рукой родителям, пообещав:

– Я мигом!

Вернувшись через три часа рейсовым автобусом, я застала маму и бабушку Степаниду колдующими над ужином.

Когда мои родители решили приехать в первый раз меня проводить, я сразу предупредила маму о бабушке. Мама загорелась приехать ещё больше. По-честному, я ожидала дня их приезда с некоторым страхом, заранее заручившись бабушкиным согласием. Та кивнула, но брови нахмурила.

Весь день я проторчала во дворе, ожидая родителей. Наконец я услышала шум двигателя, торопливо выглянула за калитку и увидела сверкающий на солнце мамин «Мерседес». Распахнув ворота, не успев даже поздороваться, я замахала руками Стасу, показывая на сарай. Стас понял, аккуратно загнал туда машину, чтобы её не было видно. Мама, как всегда, схватила меня в охапку и принялась душить. Но за столько лет и я кое-чему научилась. Ловко отбившись, я предложила:

– Пошли в дом, вам ещё с бабушкой знакомиться...

Но склоки, которой я ожидала, не вышло. Моя мама умудрилась за два часа сделать то, на что у меня ушёл месяц. Вскоре она со Степанидой Михайловной сидели рядом на лавочке и умилялись друг на друга. Я в который раз подивилась на свою маму. Она всегда добивалась того, чего хотела. Уже на правах лучшей подруги мама представила бабушке немного смущенного папу. Папа был встречен благосклонно. Стаса мама назвала своим племянником, то бишь моим двоюродным братом, чтобы особо не нервировать старушку, как она потом сказала.

Улучив момент, я подошла к Стасу и со всей силы шлёпнула его по просторной спине.

– Привет, двоюродный! – Я заулыбалась, а он, почесав спину, улыбнулся в ответ:

– Привет, двоюродная! – и ловко ухватил меня за нос двумя пальцами.

Мы с ним посражались немного, бабушка наблюдала за нами с умилением.

Стас работал у мамы уже давно, хоть и был старше меня всего на четыре года. Мы все его любили за добродушие и неизменное спокойствие. Мама утверждала, что телохранитель ей не нужен, с бандитами и хулиганами она и сама разберётся (во что я абсолютно верила), но Стас стал незаменимым и надёжным её помощником в бизнесе. Ему она доверяла.

Погостив у нас три дня, они стали собираться, бабушка явно печалилась. Как вскоре выяснилось, мама во время пребывания произвела своеобразную разведку. Ровно через неделю без всякого извещения прикатил Стас на джипе, который еле-еле влез в сарай.

– Стас! – Я сделала вид, что удивлена. – Что-нибудь случилось?

– Конечно, случилось! – убежденно ответил Стас. – Вера Николаевна решила, что вам тут много чего не хватает.

Бабушка была сражена, я – нет, я-то свою маму хорошо знала, поэтому ожидала чего-либо подобного.

– Она тебя позвонить просила, может, ещё чего надо.

– Ага! Самолет надо. «Боинг».

Стас принялся разгружать джип, но этого бабка уже не вытерпела.

– Нет, ну вы гляньте, люди добрые! – зарычала она. – Только вкатился – и давай из машины таскать! Ну-ка быстро руки мыть – и за стол! Ишь ты...

Стас повиновался, я поплелась за ним, по дороге громко приставая:

– Видимо, твоя тётушка, Стасик, задумала сделать здесь евроремонт. Провозишься всё лето! Бедный, бедный Стасик!

Поскольку «Стасик» звучало более похоже на «ослик», изловчившись, двоюродный братик дал мне в сених щелбан.

И вот теперь, приехав очередной раз навестить дочь, мама с удовлетворением рассматривала воплощение своих замыслов. Ловко орудуя кухонным ножом, она готовила очередной кулинарный шедевр, переговариваясь с жарящей картошку бабкой Степанидой.

Не чувствуя собирающихся над моей головешкой грозовых туч, я с радостной улыбкой влетела в горницу. Семейство встретило меня весёлым: «О-о-о!»

Моя руки, разглядывая разлившийся синяк и припухшую кисть, я оглянулась на маму и вдруг заметила её насупленные брови и потемневшие глаза.

«О-го-го! – поняла я. – Сейчас кому-то придется туго».

Где-то в глубине души я смутно подозревала, что это буду я, но надежда всё же теплилась.

– Ну-ка за стол! – повысив голос, скомандовала бабка Степанида.

Мы дружно промаршировали за стол, распространявший волшебные запахи. За столом все весело болтали и смеялись, обмениваясь последними новостями. Незаметно косясь на маму, я поняла, что головомойка всё же по мою душу.

Поужинав, не успели мы встать из-за стола, как вдруг за окошком грохнуло так, что от неожиданности я пригнулась. Темнеющее небо разорвали ослепительные молнии, и на Горелки обрушился водопад.

– Ох, ты! – запричитала бабка, сунувшись к окошку. – Откуда ж ты, хлебалка, взялся? Ох, положит же всё!

Схватив непромокаемый плащ, бабка Степанида рванула прочь из горницы. Следом за ней пошёл Стас.

– Игорь! Они вдвоём не справятся! – воскликнула мама.

– И то! – отозвался, натягивая резиновые сапоги, папа.

Как только за ним закрылась дверь, мама развернулась ко мне и сурово спросила:

– Ну? И что здесь происходит?

Я опешила.

– А... Ужин, потом гроза...

– Не юродствуй! – строго оборвала меня мама. – Не маленькая! Это что?

Не сводя с меня сердитых глаз, она, словно фокусник, извлекла откуда-то скомканный листок, развернула и сунула мне.

Впору было присесть и начать рвать на себе волосы. Как я могла? Хотя в той спешке, в которой мы летели с пляжа, можно было забыть и не такую малость. Весь ужас моего положения состоял в том, что мама слишком серьезно относится к подобным вещам и спорить с ней бесполезно.

– А это? – Она сурово указала на мою ноющую руку, которую я поспешно спрятала за спину.

– Маму-уся! – тоскливо заныла я. – Это же просто шутка! Честное слово!

Без подготовки трудно было врать что-либо убедительное, но и останавливаться тоже было нельзя. Поэтому я на ходу сочиняла рассказ, что мы так веселимся с подружками, меняем почерки и для смеха пишем с ошибками.

– Ты хочешь, чтобы я сейчас надела сапоги, плащ и их навестила?

– Мама, мне не три года. – Я повысила голос, прекрасно понимая, что девчонки не ответят на вопрос одинаково.

Ира тут же поделится своими мыслями об этом Володе, а Надька наплетёт такого, что сам чёрт не разберётся.

– Ты знаешь, кто это писал?

– Мам, ну это же ерунда! Прекрати, опять весь дом на уши поставишь! Ну что здесь особенного? Чего ты переживаешь-то?

– Малышик...

– Я не малышик!

– Стасенька, поверь мне. Такие «шутки» добром не кончаются. Сейчас лето, поедem в Москву! Ты уж сколько там не была! Всё здесь торчишь! Неужели даже не соскучилась?

Видя, что мама немного сбавила обороты, я миролюбиво ответила:

– Никуда Москва от меня не денется. А здесь воздух, река, лес. Да и учебный план у меня. Экскурсии! Я не могу!

Прения продолжались. Мама находила всё новые и новые причины, чтобы увезти меня с собой, я также старательно приводила доводы, почему должна остаться. Возвращаться в раскалённую пыльную Москву совсем не хотелось.

Наконец вернулись из огорода бабка Степанида с мужчинами. Мы объявили водяное перемирие, мама принялась хлопотать вокруг промокших насквозь сельскохозяйственных героев.

– Чайку сейчас – самое время! – пробасил Стас. – Захолодало...

– Да, – подхватила бабка. – И откуда такой аспид только взялся! Чуть успели! Одна бы я пропала!

Тут все расчувствовались и стали угощать друг друга чаем и конфетами. Выпив по чашечке (а перед этим – по рюмочке), расслабились, подобрали и начали рассуждать о русских обычаях и народной мудрости. Соглашались друг с другом во всем, даже если три минуты назад утверждали совсем обратное. Закончилось всё пением русских народных песен, ведомых уверенным маминым сопрано.

Проснувшись утром, я сладко потянулась, но, вспомнив свою вечернюю промашку, нахмурилась. Хотя, судя по тому, что мама в данный момент не сидела на краешке моей кровати, можно было предположить, что буря миновала. Полежав ещё минут пять и окончательно уверив себя в благополучном исходе, я замурлыкала песенку и поднялась. Почти сразу же дверь приоткрылась, и я увидела маму. Встретившись со мной взглядом, она заулыбалась:

– А я слышу – мой малышик поёт!

Этого было вполне достаточно, чтобы испортить мне настроение, но далее последовала насторожившая меня фраза, поэтому обидеться я забыла:

– Вставай скорее! Мы все тебя ждём!

Куда это они меня ждут? Это зачем ещё? Я всё равно никуда не поеду! Просто бред какой-то! Увижу этого Вовика, башку сверну! Я торопливо оделась, причесалась, застелила кровать.

Выглянув в горницу, увидела, что все уже сели за стол, на котором красовались оладушки, домашний творог, сметана, варенье и прочие вкусности, приберегаемые бабкой, по моему, исключительно для моей мамы.

– Эй, эй! – заволновалась я. – Без меня не начинайте!

– Да, да! – тут же откликнулась мама. – Ждём!

Она подозрительно весело улыбалась. Переведя взгляд на Стаса, я увидела, что он с трудом удерживается от смеха, а в его глазах водят хоровод весёлые чертенята. Один лишь папа сидел с более-менее приличным выражением лица.

«Ох, не к добру это!» – решила я, направляясь чистить зубы.

За столом царило подозрительное благодушие. Все шутили и смеялись. Наконец мне удалось выяснить, что после завтрака они уезжают домой.

– Я вчера забыла сказать тебе, Стасенька! – улыбаясь, вспомнила мама. – Мы и приехали не ко времени, потому что я уезжаю. На пару недель. А то ты, думаю, ждать нас будешь. У папы в академии, сама представляешь, что за время.

– А-а! – я поняливо закивала. – Теперь ясно! То-то я удивилась...

Это было сказано из вежливости, на самом деле я задумалась, а почему тогда она пыталась переманить меня в Москву? Сама уедет, папа до ночи будет возиться с двоечниками, а я?

– А в Москву зачем звала? Весь день всё равно дома никого не будет? – не удержалась я. – Вы со Стасом уедете, папа весь день занят? А я?

– Да нет, – скромно потупилась мама, – Стас со мной не едет. У него отпуск. И ему надо отдыхать!

– М-м! – ответила я, ясно представляя, что в огороде бузина, а в Киеве дядька. – И что? Неожиданно в разговор встряла бабка Степанида:

– Конечно, Вера права! Совсем замучился парень! Смотри вон, синяки под глазами. Надо отдохнуть да сил набраться.

Стас в это время старался вовсю. Закатывал глазки, усердно втягивал щёки и тщетно пытался съесть мышечную массу. Я заёрзала на табурете, печёночкой чуя, что где-то именно здесь кроется большой подвох.

Бабка тем временем заботливо развернулась к Стасу и спросила:

– Так где тебе больше нравится? Мне самой-то все равно, где хочешь, там и поселю.

Я замерла с полным ртом сметаны. Склонившись над тарелкой, судорожно раздумывала, как мне быть, потому что проглотить её сейчас не могла, а выплюнуть при всех не позволяло воспитание.

– Стасенька, налить компотика? – озаботилась мама.

Титаническим усилием воли я проглотила сметану, подняла на маму глаза, но не удержалась и закашлялась. Уставший, обессиленный Стасик с большим удовольствием хлопнул меня по спине, да так, что чуть не выколотил с трудом проглоченный продукт.

«Ну, погоди!» – подумала я и обратилась к маме:

– Это что, заговор?

На меня смотрели четыре невинных наивных человека, практически одновременно моргая удивленными честными глазами. Папа озаботился:

– О чём ты, доченька? Просто надо же Стасику отдыхать, он не железный. Правда, Стас?

Нежелезный Стасик вяло кивал бычьей шеей, и пытался прикусить две губы одновременно, чтобы не смеяться.

«Подожди!» – злобно засверкав глазами, решила я. – Ты у меня действительно устанешь!»

– А вместе вам повеселей будет, да и Степаниде Михайловне поможете... – Папа явно старался побыстрее закончить своё выступление, опасаясь волны народных протестов с моей стороны.

Но я лишь скорбно поджала губы и проронила:

– И ты, папа...

Все загрузили. Но тут вмешался Стас:

– Да не буду я тебе мешать! Очень хочется тут за твоими женихами бегать! На хрена мне?

– Да! – обрадованно поддержала его мама. – На хрена ты ему нужна?

Бабка Степанида удивленно вскинула брови и, открыв рот, уставилась на маму. Та ничуть не смутилась и, улыбаясь, обратилась к бабке:

– Правильно я говорю, Степанида Михайловна? – Та неуверенно кивнула. – Ох, – немедленно загрустила мама, – как всё же нравится мне имя Степанида! Настоящее русское, гордое. А так живёшь – Верка да Верка!

Бабка сразу оживилась и, довольной улыбнувшись, вступилась за маму:

– Да что ты, Вера! Ерунда! Сама послушай, как твое имечко звучит – Вера! Первое дело на земле. Да ещё не зря говорят: Вера, Надежда да Любовь...

Они принялись утешать одна другую, потом мама вспомнила:

– Бог мой, Степанида Михайловна! А рецепт! Уезжать уж, а я совсем запамятовала!

Они быстро встали и удалились на кухню. Мы с папой переглянулись и, многозначительно покивав друг другу, с уважением посмотрели вслед маме. А Стас негромко рассмеялся и сказал:

– Далеко тебе до мамы, Стаська!

– Ты у меня дождёшься! – пригрозила я ему и завздохала.

Похоже, здесь меня обскакали.

Когда родители садились в машину, я вдруг вспомнила ещё один аргумент:

– Мама! А как же племянник без машины-то? Он через два дня помрёт! И до магазина свой зад не донесёт. Вы его забирайте, а он потом на машине вернётся.

Идея была гениальная, но, к сожалению, не прошла.

– Не беспокойся, малыш! Я утром Виктору Степановичу позвонила, он уж гонит, наверно. – Она повернулась к бабке Степаниде и пояснила: – Это наш сосед, он сейчас в отпуске. На рыбалку едет с друзьями, и ему по дороге. Серьезный мужчина, очень вежливый.

Бабка согласно закивала и забормотала:

– Конечно, Вера, конечно, о чём речь.

– Откуда это ты позвонила? – удивилась я. – Твоя пиликалка здесь не берёт!

– Не берёт, – улыбнулась мама, – мы со Стасом с утра в город съездили...

«Надо бы маму в Президенты выбрать, – как-то само собой подумалось мне. – А Виктор Степанович вовсе и не сосед. Начальник охраны. А друзья... да-а...»

Я понаблюдала пару минут, как она в сторонке вправляет напоследок Стасу мозги. Он вздыхал и топтался, словно конь, согласно кивая на каждое слово. Выслушав все инструкции, он встал около меня, окинул критическим взглядом и проронил:

– Тоже мне, Корона Российской Империи!

Мама махнула на прощание рукой, расцеловалась с бабкой, и, сверкая начищенными боками, «Мерседес» плавно вырулил из ворот.

– Ну что делать будем? – поинтересовался Стас, когда мы вернулись в дом.

– Да что хочешь, то и делай... шпион... – огрызнулась я, но потом спохватилась: – Вообще-то Степаниде Михайловне баньку неплохо было бы срубить... Вот ты бы этим и занялся! Тебе всё равно делать нечего... Степанида Михайловна! – заголосила я в сторону бабкиной двери. – Вот тут Стас хочет вам баньку срубить, скажите, что ему делать!

Стас укоризненно посмотрел на меня, поджав губы, но ничего не сказал. Из комнаты выглянула удивленная бабка:

– Да что ты, Стас, погоди... И не отдохнул еще, а сразу уж топором махать! Не дело это! Погуляй сначала, отоспись, а потом и разговоры будем разговаривать!

Согласно покивав ей головой, Стас покосился в мою сторону и расплылся в улыбке до самых ушей:

– Конечно, Степанида Михайловна, как скажете...

«Ну ничего, – решила я, – я всё-таки подберу тебе занятие!»

Я вернулась в свою комнату, включила телевизор и плюхнулась на кровать. Несколько минут я прилежно пыталась сосредоточиться на экране, но всё было впустую: коварная выходка моей мамы не давала покоя.

«Чтобы мама оставила Стаса! И вызвала сюда Виктора Степановича! Неужели она и впрямь настолько серьезно отнеслась к этой дурацкой записке? И без Стаса я теперь даже в туалет не смогу сходить! Наверняка по каждому поводу придется ездить с ним в город и докладывать».

Эти размышления отнюдь не улучшали моего настроения. И вовсе не потому, что Стас был каким-то вредным или приставучим, нет, он был отличным парнем, почти членом нашей семьи. Я к нему так привыкла, что иной раз забывала, что у него имеются собственные родители, которых, надо отдать должное Стасу, он никогда не забывал. Просто сейчас... Даже ещё вчера утром я наверняка бы очень обрадовалась, если бы узнала, что он будет здесь. Но со вчерашнего утра всё изменилось. И мне очень хотелось поболтать по Горелкам, поговорить с подружками и кое-что разузнать...

– Стаська! – Я очнулась и торопливо сунулась в окошко.

– Надька, привет! – Увидев улыбающуюся подружку, я поняла, что нашёлся человек, которому смогу пожаловаться и который меня поймёт. – Заходи скорее!

– Нет, – махнула рукой Надежда, – я сейчас не могу. «Мерседес» увидела, дай, думаю, спрошу... Родители, что ли, приехали?

– Ага! Только они уже и уехали.

– Да? А чего это они так?

Я вздохнула:

– Мама за границу уезжает, поэтому неожиданно нагрянули. И Стаса подкинули...

– Куда подкинули? – удивилась Надька.

– Куда... Сюда, куда же ещё! Будет теперь тут отдыхать... шпион...

– А что ты расстроилась-то? – ещё больше удивилась Надька. – Он же хороший парень! И почему шпион?

Тут я изложила подруге всю подноготную неожиданного Стасова отпуска, она поджала губы и сочувственно закивала головой:

– Ну-у если Вера Николаевна такую тревогу подняла, я тебе не завидую!

Сама себе я завидовала ещё меньше, потому что маму свою знала гораздо лучше Надьки.

– Теперь от него не отвяжешься, – пожаловалась я, и, словно нас услышав, в поле зрения показался Стас, облаченный в широкие цветастые шорты, увидев которые я взвыла от смеха и едва не вывалилась в окно.

Но Стас и ухом не повел. Широко улыбнувшись, он подошёл к Надьке и протянул руку.

– Привет, Надежда! Все хорошеешь?

Надежда расплылась, словно медовый крендель на солнышке, и радостно запела:

– Стас! Приве-ет!

– При-ве-ет! – передразнила я и буркнула: – Ну, вы тут кудахтайте от счастья, а мне с вами некогда!

Я скрылась в доме, но мое исчезновение, похоже, никого не расстроило. Надька продолжала щебетать, словно канарейка, в тон ей басил Стас. Мне неоднократно приходилось замечать странности в поведении некоторых особ женского пола при общении с маминым телохранителем: они начинали хихикать, словно их непрерывно щекотали. Однако их старания, насколько я могу судить, ни к какому положительному результату не приводили, в общении со слабой половиной человечества Стас был неизменно галантен, но ровен. Поэтому, решив пожалеть Надькино красноречие, я снова высунулась в окошко и проронила:

– Дорогая, ты вроде бы куда-то спешила...

– Ой! – всплеснула руками наша физкультурница. – Спасибо, а я уж совсем забыла! Потом забегу, пока!

Надька моментально исчезла за смородиновыми кустами, мы со Стасом глянули друг на друга, я растянула рот до ушей и молча удалилась.

Испортив, надеюсь, ему настроение, я повеселела и даже посмотрела передачу «Гомеопатия и здоровье». Придя после просмотра к выводу, что, сколько не лечись, всё равно когда-нибудь помрёшь, я сладко потянулась и, переодевшись по случаю жары в легонький сарафан, отправилась, строго соблюдая правила конспирации, через окно на улицу. Убедившись, что ни бабки, ни Стаса на горизонте не наблюдается, я огородами направилась к Ирке.

Жила она на другом конце деревни у своего дядьки, причем ещё два года назад, когда я появилась здесь впервые, это была окраина, теперь же всё изменилось. Обогнув птичник, я неторопливо прогулялась до продуктовой палатки, купила мороженое и вышла на Иркину улицу. Называлась она улицей Ломоносова и была до неприличности кривой, отчего мне всегда делалось несколько неловко перед великим российским учёным. Хотя вполне возможно такое оригинальное расположение пришлось бы Ломоносову по душе, и он не стал бы обижаться.

Шагая к Иркиной калитке, я старательно косилась вправо. Именно там, соседствуя садами с улицей Ломоносова, находилась улица 50-летия Октября, та самая, на которую прикатили загадочные гости, разъезжающие на машинах с московскими номерами. Однако буйная растительность сводила на нет все мои старания. Разглядеть соседнюю улицу можно было лишь зимой да поздней осенью.

Очутившись во дворе, я окликнула хозяев и, не получив ответа, постучала в окно. Через пару минут на крыльце показалась тётя Лена, жена Иркиного дядьки, полная добродушная женщина, постоянно погруженная в домашние хлопоты.

– Настя! – Тётя Лена устало заправила под косынку выбившиеся локоны. – Здравствуй, деточка! Ты к Иришке? – Я кивнула, уже сообразив, что Ирки дома нет. – А вы разве не встретились? Она в магазин пошла... Ты что, вокруг обходила?

– За мороженым завернула... Ладно, догоню её. Спасибо!

Почти все магазины в Горелках располагались неподалеку от недавно заасфальтированного глиняного пятачка, расположенного в центре деревни и гордо именуемого площадью Восстания. Кто здесь восставал и по какому поводу, история умалчивает, но это место, по единодушному признанию коренных жителей и многочисленных дачников, само собой считалось местным центром цивилизации, тем более что тут же было расположено первое и оно же последнее административное здание деревни. Оно соседствовало с всенародно признанным и посещаемым заведением «У Лизы», считающимся у населения баром.

Мои попытки догнать Ирку по дороге успехом не увенчались. Лишь добравшись до продуктового магазина, я увидела в дверях хмурую подружку.

– Привет, – сказала я, подойдя поближе, – я за тобой от самого твоего дома чапаю...

– Привет, – вяло отозвалась та, пытаясь улыбнуться, – подождала бы там...

– Ты чего такая? – Я заглянула Ирке в глаза и с удивлением обнаружила, что подружка их прячет. – Что, в магазине батон свистнула?

Ирка всё-таки усмехнулась:

– Ты, Настька, иной раз брякнешь!.. Не выпалась просто.

– А что тебе не спалось? – не унималась я, решив всё же выяснить причину плохого подружкиного настроения.

Ирка глубоко вздохнула и задумалась, явно размышляя, рассказывать ли о причинах поразившей её бессонницы. Пока она думала, мы успели зайти в галантерейный отдел, где Ирка купила иголки и напёрсток. Убрав в сумку завернутые в весёленькую серенькую бумажку покупки, она развернулась ко мне:

– Да рассказывать-то особо нечего... Помнишь этих... ну что вчера... когда Надькин воротник порвали?..

– Ну? – оживилась я. – Случилось что?

– Да нет же, – поморщилась Ирка, – ничего. Они ведь в семнадцатый дом приехали, к Савченко...

– К Савченко, к Савченко... – забормотала я, стараясь припомнить. – Это тот пацан, что записку написал?

– Вроде так...

– И что?

– Их участок с дядькиным углами соприкасается. Те два дня ничего, нормально всё было, а вчера вечером веселиться принялись, беда. Наверное, как на пляже начали, так и остановиться не смогли! Здорово ты их завела!

– Вот ещё, я тут при чем?

– Не знаю при чём... Только вот! – Тут Ирка протянула мне сложенный вчетверо лист бумаги.

«Ирина Захаровна и Анастасия Игоревна! Уезжайте в город». Ни больше, ни меньше. Я покрутила листок и так и этак и взглянула на Ирку:

– И откуда это?

– Утром нашла. На подоконнике.

– Почерк вроде тот же?

Ирка кивнула:

– Похоже.

– И что все это может значить?

– Откуда мне знать? Я только знаю, что это Володькин почерк. К нему, вернее, к его старшему брату, приехала братва...

– Сразу уж и братва... – засомневалась я.

– Нет, ты что, слепая? Ты их вчера плохо разглядела, что ли? И брат Вовкин, Вадим, прошлой весной только из тюрьмы вернулся. Это я точно знаю, тётя Лена с Валентиной Петровной дружит, что в пятнадцатом доме живёт, как раз рядом с Савченко. А это, видать, однополчане его проведать приехали.

– А с кем они живут здесь?

– Да с бабкой, совсем уж старая.

– Неплохо было бы, конечно, с этим Володей поговорить.

– Правильно, – с сарказмом в голосе поддакнула Ирка, – сходи к ним, сходи. Не забудь со вчерашними мальчиками парой фраз переброситься. Особенно с тем, с седым.

Я задумалась. Вожак этой весёлой стаи весьма доходчиво посоветовал мне на глаза им не попадаться. Да и мне самой, если по совести, этого не очень хотелось. Хотя кое для кого я бы сделала исключение... Так, опять меня заносит. Он ведь Надьке весь воротник начисто оторвал, значит, сукин сын. Но... Стоп, никаких «но»!

– Ты же ничего не знаешь! Ко мне вчера родители приехали. И мама записку нашла в сумке. А она, знаешь, как к этим вещам относится? Думала, не отобьюсь. Сегодня утром они с папой уехали, оставили здесь Стаса с букетом инструкций.

– Да? – неизвестно чему обрадовалась Ирка. Я уже говорила, что одно упоминание о Стасе приводит самых слабонервных женщин в состояние, близкое к эйфории. – Это здорово, хороший парень.

– Конечно, хороший, – согласилась я, – только когда следит за кем-нибудь другим, а не за тобой.

С этим Ирка не смогла не согласиться.

– А что ж ты сейчас одна? – поинтересовалась подружка, подслеповато щурясь и закрывая глаза от солнца ладонью.

– Да я через окно удрала...

– А-а!.. А я уж подумала, что это Стас! Похож! – Ирка махнула рукой куда-то мне за спину.

Я оглянулась и увидела Стаса, с беспечным видом покупающего что-то в киоске. Едва не зашипев от злости, я снова повернулась к подружке:

– Записку убери, бога ради!

Ирка торопливо сунула записку в карман и заулыбалась навстречу Стасу. После взаимных приветствий они начали обмениваться последними новостями. Посчитав, что Ирке достанет ума не брякнуть лишнего, я отошла к киоску. Разглядывая боковую витрину, я потеряла из виду беседующих ребят и вдруг услышала:

– Привет!

Я повернула голову и увидела белую надпись «Nike» на зеленой футболке. Посмотрев вверх, встретила с насмешливыми синими глазами и сверкающей голливудской улыбкой.

– Как поживаешь?

– Вашими молитвами, – лениво отозвалась я, а сердце застучало, словно паровой молот, я даже обеспокоилась: не слышно ли на улице?

– Зубки в порядке?

– Хотите проверить? – притворно удивилась я, трепеща ресницами совершенно против воли.

– С большим удовольствием.

– Предлагаете, чтобы я вас укусила?

– Сделай такое одолжение... – отозвалась, заглядывая мне в глаза, сладкая девичья греза и придвинулась ближе. – Можешь кусать, сколько тебе захочется.

– А мне не хочется, – объявила я, найдя такое предложение слишком экстравагантным, и отступила на шаг, хотя это совершенно не в моих правилах. – Вы вообще как, в своём уме?

Он весело засмеялся, закинув голову, и я убедилась, что все зубы у него на месте.

– Тогда давай просто познакомимся! – выдвинул наконец более приемлемое предложение молодой человек и протянул мне руку: – Ефим.

Пожимать ему руку, памятуя о вчерашней встрече на пляже и здоровенном синяке, я поостереглась, поэтому убрала свои за спину и отозвалась:

– Анастасия.

– Очень приятно! Только зря ты меня боишься, я вот как раз и не кусаюсь.

Рассуждая здраво, сейчас нужно было бы уйти, но со здравым смыслом у меня возникла небольшая проблемка, поэтому я продолжала стоять и пялиться на необъятную грудную клетку с заграничной надписью.

– Как ваш друг поживает? – вежливо поинтересовалась я.

– Это ты о ком? О Семёне? На котором ты свои зубы проверяла?

Я пожала плечами:

– В паспорт ему я не заглядывала. Может, и Семён. Мерзкий такой, седой.

– Ну это Семён. Живой вроде бы. Руку, правда, пришлось забинтовать, а так всё в порядке.

– Жаль, – сказала я.

– А твой дружок как поживает? – улыбнулся Ефим.

– Это какой? – не поняла я, а он кивнул головой:

– Вот этот.

Оглянувшись, я увидела Стаса с Иркой, внимательно изучающих местную доску объявлений метрах в двадцати от нас.

- А-а! Это мой брат. Двоюродный, – не моргнув глазом, соврала я и мило улыбнулась.
- Ясно. А что ты вечером делаешь?
- Вечером? – безразлично переспросила я, замирая от сладкого ужаса, и пожала плечами:
- Ещё не знаю.
- Может, встретимся? Тут, конечно, особо не разбежишься, но вот туда можно заглянуть, – он кивнул головой в сторону бара. – Посидим, поболтаем?
- С тревогой осознав, что глупею прямо на глазах, я вздернула нос и вздохнула:
- Нет...
- Нет? – Мне показалось, что он весьма искренне удивился. – А почему?
- «А ты что, голубок, не привык получать отказов от женщин?»
- Эта мысль всколыхнула мою задремавшую было беловоронью натуру, и я с удовольствием разглядывала недоумевающего молодого человека.
- Знаете, – протянула я и продемонстрировала синяк на руке, – с подобными украшениями разгуливать по барам просто как-то неловко... Мало ли что могут подумать люди! Что меня какой-то придурок за руки хватал или и того похуже...
- Ефим округлил глаза и даже сделал попытку потрогать синяк, чего я ему, естественно, не позволила.
- Однако! – Он покачал головой, и его насмешливая физиономия моментально приобрела выражение глубочайшего раскаяния. – Какие у тебя организмы нежные... Извини, пожалуйста... Я готов искупить...
- Я сделала страшные глаза и с подвыванием пропела:
- Такие ошибки не искупают... Их смывают... кровью!
- В первую секунду он остоленел, потом рассмеялся:
- Согласен...
- Тут я развернулась и направилась к Ирке со Стасом, на ходу бросив за спину:
- Моя мама настоятельно рекомендовала мне не знакомиться с мужчинами на улице... Всего хорошего...
- Что делал после этого мой кавалер, не видела, деловито семена к доске объявлений, я не оглядывалась.
- Ну и что ты тут делаешь? – Дойдя до Стаса, я с вызовом уперла руки в бока. – Я теперь до туалета сама дойти не могу?
- Далековато ты в туалет ходишь... – отозвался Стас с досадой. – Да сдалась ты мне! За газетами я пошел, ясно? Оставили здесь в чём есть, думаешь, я от счастья помираю? Ладно, мне ещё зубную щетку надо купить, я пошёл!
- Не кипятись! – смягчилась я, решив, что слишком наехала на Стаса. Остался он здесь и правда не по собственному желанию, а, так сказать, по производственной необходимости. – Пойдем, я тебе покажу, где щетки продают...
- Когда Стас закупил все мелочи первой необходимости и с ожиданием глянул на меня, я посоветовала:
- Стас, ты бы себе ещё шлепанцы купил, по такой жарнице в кроссовках не находишься. И здесь тебе не Москва, здесь всё по-простому. К тому же на речку гораздо удобнее ходить. Вон там отдел! – Я ткнула пальцем в нужную сторону и развела руками: – Правда, здесь преимущественно товары китайского производства, но что поделаешь!
- Благодарно кивнув головой, Стас двинулся в указанном направлении, а я торопливо добавила:
- Ну, мы пошли! Меня Ира как раз на чай пригласила!
- Ирка удивленно заморгала, но быстро сориентировалась и согласно затрясла головой. Стас остановился как вкопанный, нахмурился, задумался и затем выдал:
- Во сколько вернёшься?

– Чего-о?! – Я тоже сдвинула брови. – Ты что, меня с кем-то спутал, Стас? Я Анастасия Игоревна Белорецкая, учительница начальных классов, беспартийная, не замужем... А, Стас?

Он молча развернулся и скрылся за углом, я подмигнула Ирке и дёрнула её за руку:

– А теперь бежим! Стас при исполнении, долго обижаться не может...

Подружка покачала головой и пустилась за мной вприпрыжку, размахивая на бегу разноцветным полиэтиленовым пакетом. В рекордные сроки достигнув улицы Ломоносова, мы наконец притормозили и двинули чинным шагом.

И тут Ирка спросила:

– Этот вчерашний парень сам к тебе подошёл?

– Конечно, сам. Я его не видела, слышу сзади: «Привет!», оглядываюсь – он! Но, надо признаться, мальчик хорош! – не удержалась я и, к моему удивлению, подружка закивала.

Я быстренько пересказала ей содержание нашего разговора, Ирка пожала плечами:

– Ну может, он и не такой козёл, как кажется... Мало ли что Седой выделявал, его-то в тот момент там и не было. Он купался, ты же видела.

– Видела, – кивнула я, но из чувства противоречия сказала: – Но он тоже видел, мог бы вылезти и остановить их.

– Это только ты у нас всех остановить пытаешься. «Каждой амбразуре по собственной груди!» – Ирка вскинула вверх руку, словно на митинге.

В это время мы добрались до её крыльца, в окно выглянула тётя Лена:

– Кваску хотите? Хороший квас получился... Поди, Ира, в погребе возьми... Да идите вон в беседку, в доме-то жарко. Я вам сейчас пирог принесу...

Пироги тётя Лена делала волшебные, поэтому я резво направилась к беседке, плюхнулась в плетёное кресло и стала ждать. Наконец Ирка показала в двери погреба, держа в руках большую запотевшую банку с квасом, а из дома меня окликнула тётя Лена. Я подошла, она передала мне в окно пирог с яблоками, и, пуская тягучую голодную слюну, я галопом вернулась в беседку. Ирка разлила квас в кружки, я дрожащими руками нарезала пирог.

– Ирка! – раздалось за забором, я вздрогнула и торопливо засунула в рот по возможности большой кусок пирога.

Голос принадлежал Надьке, а где голос, там и сама Надька, являющаяся чемпионом мира по скоростному съеданию чужих пирогов.

– Надежда! – отозвалась добросердечная тётя Лена. – Здравствуй, милая, заходи! Вон девочки в саду, иди пирожка покушай!

Мы с Иркой затравленно переглянулись и потянулись за новыми кусками, хотя ещё не справились с первыми.

– Господи, да ты подавишься! – воскликнула, увидев нас, Надька и сграбастала мою кружку с квасом.

Обе мои руки были заняты кусками пирога, поэтому я не могла восстановить справедливость и отнять у неё свой квас.

– Дай запить! – зарычала я, наконец прожевав.

Надежда смиренно вернула мне кружку и уселась рядом. Ирка всё это время молча моргала на нас из угла, старательно двигая челюстями.

– А я к тебе зашла, Стас сказал, что вы пошли чай пить. Ну, я тоже решила присоединиться.

– Правильно решила, – вздохнула я. – Слушай, а ты случайно Стасу Иркин адрес не сказала?

– Да он не спрашивал, – пожала плечами Надька.

Я было успокоилась, но тут заметила, что пирог исчезает с блюда столь стремительно, словно растворяется в воздухе.

Пару минут царила полнейшая тишина, нарушаемая лишь нашим торопливым чавканьем и сопением.

– Классно! – изрекла наконец Надька, ловко уцепив последний кусок. – Полный отпад!

Я печально оглядела пустую тарелку и согласно кивнула. Было бы гораздо отпаднее, опоздай она хотя бы на пять минут.

– Угадай, с кем наша учителька сегодня разговаривала! – подала голос Ирка, отставляя пустую кружку, и блаженно потягиваясь в плетённом кресле.

– Ну и с кем же?

– А с тем самым милым мужиком, что твой халат воротника лишил. – Ирка повела глазками в сторону и хихикнула: – Предлагал нашей девушке в бар сходить...

Услышав это, Надька раскрыла рот, словно Ирка сообщила ей о моем твёрдом и бесповоротном решении лететь на Марс.

– Да ну? Правда? – Я кивнула, а Надька озлобилась: – А воротник мне пришить он не предлагал?

– Нет, – рассмеялась я.

– Сукин он сын, – сказала Надька, – воротник начисто оторвал... Надеюсь, ты этому подлецу отказала во внимании?

– Конечно!

– Правильно! Хотя вообще-то он весьма и весьма... – Она обвела нас озорным взглядом. – Мужчинка весьма недурен, а? Что скажете?

– Не в бровь, а в глаз! – прокомментировала учительница русского языка и литературы и мечтательно добавила: – Если бы не в подобных обстоятельствах!

Дружно запечалившись, мы затрясли головами и завздохали.

Потратив на обсуждение интересной темы ещё минут двадцать, мы успели допить банку кваса и теперь медленно, но верно клевали носами, паузы между словами становились всё длиннее, и всё труднее было удерживать нить разговора. Наконец Ирка встрепенулась, с трудом выползла из кресла и, глянув на нас сверху вниз, внесла предложение:

– Может... это, полежим под яблонькой на одеяльце?

Полежать под яблонькой на одеяльце было нашим излюбленным занятием во время летних каникул, поэтому, обреченно покивав, мы с Надькой откликнулись на предложение и отправились за одеялом и подушками.

Часа через полтора я открыла глаза и зевнула. Рядышком тихо посапывала Надька, хозяйки на одеяле не наблюдалось. Лениво потянувшись, я перевернулась на живот и оглядела сад. Однако участки здесь не подмосковные шесть соток, поэтому я довольно долго вглядывалась в зелёное буйство, пытаюсь увидеть оранжевую Иркину футболку. Решив, что она скорее всего в доме, я собралась улечься поудобнее, но тут боковым зрением уловила едва приметное движение в дальних кустах смородины. Любопытство взяло вверх, я поднялась и, потягиваясь, пошла в ту сторону.

Добравшись почти до забора, я кашлянула и тут же услышала испуганное:

– Ой!

В метре от меня, за кустом, на корточках сидела Ирка, лицо у неё было бледным и, как мне показалось, взволнованным.

– Да присядь же ты! – досадливо буркнула она. – Отсвечивает, как фонарь!

Я, плохо соображая, в чём дело, опустилась рядом и уставилась на неё. Она же что-то внимательно и осторожно разглядывала сквозь щель забора, отделяющего их участок от соседнего.

– Ирка, ты чего? – шепотом поинтересовалась я, завороченная таинственным поведением подружки. – Куда смотришь-то?

Ирка повернулась ко мне:

– Не нравится мне всё это... – Я терпеливо ждала продолжения, и по мне отчего-то поползли мурашки. – Видишь этот участок? Это уже по 50-летия Октября, тот самый, здесь Савченко живут...

– Ясно, – отозвалась я, – а что тебе не нравится?

– Всё не нравится. Вон тот сарай, – она показала пальцем на добротный сарай белого кирпича, расположенный неподалеку от забора. Сарай явно был сложен не так давно и по сравнению с самим домом выглядел просто шикарно, – построили в прошлом году, как Вадим из тюрьмы вернулся. Тётя Лена ещё все гадала, откуда у них деньги взялись, бабка на одну пенсию живёт, Вовка учится, а родители оба на заводе. Так всегда еле концы с концами сводили. А пришел старший из тюрьмы, словно с прииска вернулся. Так это ладно, слава богу, если у людей деньги появились. А сегодня утром тётя Лена с соседкой Валентиной Петровной разговаривала, так та сказала, что Вадим на днях бабку в город отвёз, к родителям...

– Ну и что?

– Зачем её летом в город отвозить? Они зимой всегда ездят.

– Мало ли зачем! – пожала я плечами. – Ничего в этом особенного нет.

– А я думаю, это он перед приездом своей братвы сделал.

– И правильно. Чего бабке с ними делать? Одной грязи вовек не вывезешь. Да водку, сама говоришь, они лакают без меры.

– Ой, нет, – покачала подружка головой. – И знаешь что? На люди показываются, не считая Вадима, девять человек. А вечером... ну когда стемнело... я двенадцать насчитала. В темноте только не разглядишь ничего толком. И, понимаешь, ведут они себя осторожно, вот что мне странно! Какого чёрта они прячутся? Это во-первых... – Тут подружка таинственно вытаращила глаза и еле слышным шепотом сообщила:

– Во-вторых, у них есть оружие!

В этом месте я мягко переместилась с корточек на пятую точку и сказала:

– Э-э...

– Ну! – энергично подхватила Ирка. – А я про что! Честно сказать, совсем мне такое соседство не нравится. К тому же дядька с тётей Леной уехать должны, мне здесь что, одной рядом с ними оставаться? Мне уехать нельзя, на мне этот недоделанный огород и парники! И сказать тёте Лене не могу, она сразу помрёт со страху, она такая!

Я с сочувствием смотрела на подружку, решив, что тоже не очень хотела бы соседствовать с людьми, имеющими при себе оружие.

– А ты откуда про оружие узнала?

Она всплеснула руками:

– Господи, а чего я здесь сижу, по-твоему?

– А чего ты здесь сидишь?

– Я и полночи из-за них тут проторчала, когда они бузить начали... Но вроде песни пели, пили, ничего особенного. Я так, на всякий случай, решила глянуть... Да засиделась чего-то, сама не знаю, а они затихли. Потом смотрю: из сарая мужик вышел, я его не видела раньше. Ну я опять уселась... И как раз машина подъехала к воротам, да так тихо, без света. Видно ещё плохо, кусты кругом. Так вот в этот сарай два ящика перетасили. У меня же отец военный, сколько мы с ним по гарнизонам помотались! Очень похожи, Стаська, ящики... Ты можешь себе представить, сколько там оружия?

– А чего ты сразу не сказала?

– Чего... Мало ли, думаю, ошиблась! – Ирка развела руками, а я уточнила:

– А сейчас... не ошиблась?..

Вместо ответа Ирка прижала палец к губам и затем ткнула в забор:

– Только тихо!

Замирая от непонятного волнения, я прильнула к щели. Пока я сориентировалась, что там где, подружка зашипела:

– Вон смотри, видишь мужика в клетчатой рубашке? Вон там, возле бочек?

Присмотревшись, я наконец разглядела и бочки, и спину мужика в клетчатом, но ничего особенно странного в них не было.

– И что?

– У него пистолет... Под рубашкой кобура...

Я отлепилась от забора и покосилась на Ирку. Ничего чрезвычайного я не усмотрела. Может, он милиционер. Или омоновец какой-нибудь. В наше время впадать в панику из-за одного-единственного пистолета просто несерьёзно. Ох уж эта мне провинция!

– Ладно тебе, Ирка! – ткнула я в бок подружку. – Нагнала страху-то! Ну подумаешь, оружие у человека. Ты же не знаешь, кто он. Может, ему положено иметь пистолет.

Тут Ирка развернулась и, подобравшись ко мне вплотную, выдохнула:

– С глушителем... С глушителем, понимаешь? На кой хрен милиционеру глушитель? Я когда проснулась, слышу что-то: пум, пум... Но так глухо, непонятно. Только я к забору подошла, смотрю: выходит из сарая, в руке пистолет. А глушитель не сразу свинтил, понимаешь?

– Нет, – чистосердечно призналась я.

– Горячий...

– Что ты хочешь этим сказать? – встревожилась в конце концов я. – Что он сейчас кого-то в сарае пристрелил?

– Ну не обязательно пристрелил... Но стрелял точно.

Мы уставились друг на дружку и молчали. Что говорить и что делать, я не представляла. Единственной мыслью, пришедшей в голову, я не замедлила поделиться с Иркой.

– Может, к участковому сходим?

Участковый милиционер Пётр Игнатьевич был в Горелках единственным представителем силовых структур, являлся коренным жителем деревни и пользовался у местного населения вполне заслуженным уважением. В Горелках он знал не только каждую собаку, но и количество блох, на этой собаке проживающих.

Ирка глянула на меня укоризненно:

– А если мы ошибаемся? Опозорим людей, как мне им потом в глаза глядеть? А ежели не ошибаемся, опять-таки нам с тобой башку запросто отшибут. Согласна?

Конечно, я была согласна, про милицию я так ляпнула, на всякий случай.

– Надьке пока не говори, – задумчиво разглядывая мою ободранную коленку, сказала Ирка, – она точно всю милицию на ноги поднимет.

– Ладно, – отозвалась я и снова глянула за забор. Клетчатого уже не было, да и вообще никого не было видно ни в саду, ни во дворе. – Ну что, пошли?

– Какое «пошли»! – зашипела Ирка. – По-тихому давай, на коленочках...

Так, на четвереньках, мы и двинули из сада во двор, и представьте себе размер Надькиных глаз, когда мы возникли перед ней из-за теплицы с помидорами. Она хапнула ртом воздух и чуточку отступила, дав мне возможность подняться, вслед за мной показалась Ирка, блестя натёртыми о траву коленями.

Надька покосилась на нас исподлобья и неуверенно сказала:

– Я даже не хочу спрашивать, что всё это значит.

Ирка в ответ кивнула и согласилась:

– Вот и правильно!

Не знаю, чем бы всё закончилось, если бы через несколько секунд я не услышала с улицы:

– Анастасия Игоревна, будьте любезны!

Переглянувшись с девчонками, я быстренько стряхнула с коленей прилипший к ним мусор и направилась к забору. Подружки потянулись следом, они никогда не упускали случая поболтать со Стасом на общие темы.

– Слушай, Стаська, – едва сдерживая смех, сумничала Надька, – ты теперь как Ленин в Шушенском... поднадзорная...

Эти две дуры принялись хохотать, я же кипела со злости.

– Чего тебе?! – с разгону рявкнула я на скромненько стоявшего за забором Стаса.

Он изобразил улыбку и сообщил:

– Виктор Степанович с ребятами машину пригнал. Ты не хочешь с ним повидаться?

– Нет, – прорычала я, – не хочу. У тебя всё?

Стас загрустил:

– А Виктор Степанович хочет с тобой поговорить...

– Вот пусть сюда и идёт...

– Его Вера Николаевна просила что-то тебе передать.

Я хрюкнула со злости, однако хорошо знала, что идти всё-таки надо. Во-первых, я уважала Виктора Степановича, и он ко мне хорошо относился, во-вторых, не стоило дожидаться, чтобы Стас перекинул меня через плечо и пронёс через полдеревни. Мысленно ещё раз прокляв оставленную в сумке записку, я сказала Стасу:

– Подожди минутку...

– Ну я тогда тоже пойду, – заявила Надька и направилась к калитке, а я развернулась к Ирке.

– Давай я к тебе попозже приду... Посмотрим, что будет...

– Давай, – закивала она, – договорились!

Через минуту, попрощавшись с тётей Леной, мы втроём направились домой. Надька жила неподалеку от нас, так что большую часть пути мы прошли вместе. Она весело болтала со Стасом, я молчала, раздумывая об Иркином рассказе, пытаюсь определить, что в нём истина, а что плод её воображения.

Вскоре мы добрались до двора бабки Степаниды, где стояло ни много ни мало четыре «жигуля». Один из них принадлежал Стасу, а на остальных прикатила команда сопровождения.

– Ой, братик, – прогнусавила я, шлёпнув рукой по теплому капоту, – твои ножки приехали!

В ответ на это «девятка» взвыла дурным голосом, я с перепугу шарахнулась в сторону, едва не сбив Стаса с ног.

– Вы что, очумели, что ли? – рявкнула я, придя в себя. – Сейчас здесь вся деревня будет!

В то же мгновение из дверей выкатились двое молодых людей в камуфляже. Увидев нас, один из них затормозил, второй быстро защелкал кнопками сигнализации. Машина умолкла, я, косясь на окно бабкиной комнаты, прошипела:

– Что вы, рехнулись здесь машины на сигнализацию ставить?

Сияя довольной физиономией, Стас шутовски развел руками:

– Извиняйте, принцесса, столичные замашки...

В горнице меж тем царило веселье. Стол был накрыт к чаю, причем бабка не поленилась вытащить свой любимый и бережно хранимый ведёрный самовар, доставшийся ей по наследству от какого-то далёкого предка.

Скатерть, используемая хозяйкой только в честь приезда моей мамы и по церковным праздникам, резала глаза ослепительной белизной и была вся уставлена бабкиными домаш-

ними заготовками. Всё это великолепие с усердием поглощалось тремя мощными челюстями, на уголке восседала довольная бабка, чинно держа в руке блюдо с горячим чаем. Вошедшие вслед за мной молодцы резво бросились к оставленным по случаю аврала местам и ловко запустили ложки в вазочку с вишневым вареньем.

– Анастасия! – широко разведя руки в стороны, мне жизнерадостно улыбнулся Виктор Степанович Гольков, невысокий, коротко стриженный мужчина средних лет, выступающий сейчас в роли соседа-отпускника. – Это ты там под окном шумишь? – И, не дожидаясь ответа, развернулся к бабке: – Опять выросла, ну надо же!

Эту сногшибательную новость Виктор Степанович сообщал мне при каждой нашей встрече, правда, на сей раз он внёс некоторое разнообразие, проинформировав об этом Степаниду Михайловну. Бабка радостно откликнулась, закивала и довольно подтвердила:

– Да, и кушает хорошо!

После чего Стас, схватившись, словно его душили, обеими руками за горло, затрясся от смеха и, едва не снеся оказавшуюся на пути стену, торопливо удалился в свою комнату. Я же, мгновенно ослабев от захлестнувшего приступа злости, сделала глубокий вдох и осторожно опустилась на скамью. Отдышалась, поздоровалась с гостями, налила себе чаю и, пользуясь подвернувшейся возможностью, налегла на земляничное варенье.

Тут к нам присоединился Стас, и скоро я забыла о том, что зла на весь свет, смеясь над непрерывно сыплющимися анекдотами Виктора Степановича и правдивыми рыболовными историями охранника, которого звали Валентином. Ещё двое ребят оказались заядлыми охотниками, и через пару часов голова моя пошла кругом от лососей, подстреленных в густых зелёных дубравах, и лосей, выловленных за ветвистые рога из бурных студёных речек.

Когда чаепитие наконец подошло к концу, я глубоко сожалела о своем обещании вернуться к Ирке, потому что глаза слипались и больше всего мне хотелось лечь спать. Но телефоны в Горелках не водились, а бежать до телеграфа было значительно дальше, чем до фазенды подруги, поэтому выбора у меня не было.

Мы с бабушкой убрали со стола и перемыли всю посуду. Виктор Степанович отозвал меня в сторонку:

– Настя, мама тут тебе кое-что передала... – он протянул небольшой бумажный свёрток. – Сказала, что это подарок твоей подружке на день рождения.

Я обрадовалась:

– Подарок? Вот здорово! А когда же она купить успела?

– Да это не она покупала, – сконфуженно кашлянул в кулак Виктор Степанович, – это я покупал... Когда Вера Николаевна утром позвонила, попросила Стасову «девятку» пригнать, заодно и про подарок сказала. Там, говорит, таких нету, купи, пожалуйста, Степаныч. Объяснила какой, а мне что? Мне нетрудно. Погляди, угодил, нет?

Не переставая в душе удивляться способности моей мамы предусматривать абсолютно всё, я распаковала коробочку и с удовлетворением осмотрела витой золотой браслетик, о каком Ирка мечтала ровно столько, сколько я её знала.

– Класс! То, что надо, Виктор Степанович, большое спасибо!

День рождения у Ирки послезавтра, и она грозилась пригласить нас с Надькой в город в ресторан. Пожаловавшись невзначай маме на то, что никак не могу найти в здешних магазинах нужную вещицу, я, пожалуй, поступила правильно. Мама же поступила как всегда: не занимала время разговорами, а просто сделала. Прав, видно, Стас – до мамы мне далеко.

Я отнесла футляр к себе в комнату, раздумывая о том, как бы незаметно исчезнуть из дома при таком большом скоплении народа. Это тебе не бабка Степанида, ребята не зря получают деньги за свою работу, уж чего-чего, а охранять они умеют. Да, как всегда, все значительные события в моей жизни переплетались в один тугой клубок – именно тогда, когда свобода передвижения интересовала меня более всего, ко мне приставляют охранника, а затем присы-

лают ещё пятерых. Посидев в задумчивости на кровати, я решила вернуться в горницу, рассудив, что время ещё есть, на улице светло и уйти незаметно шансов всё равно нет.

В горнице меня ждал приятный сюрприз. Выяснилось, что гости не останутся, а уедут в ночь. Сделав печальные глазки, я понуро закивала и согласилась с тем, что если надо, значит, надо. И вот, распрощавшись с нами, ребята загрузились в машины, и три «жигуля», аккуратно развернувшись, выкатились за ворота.

«Слава богу!» – маша им вслед, смахнула я фальшивую слезинку. Не всё уж так и плохо!

– Стас, загони свою колымагу в сарай! – крикнула я, хорошо зная, что тот обидится за «колымагу».

Но Стас не желал отзываться, я пошла его искать, чтобы убедиться, что всё же испортила ему настроение.

К большому своему удивлению, открыв дверь его комнаты, я увидела, что он преспокойно лежит на своем диване. Так вот почему он не пошел провожать ребят до ворот! Он просто-напросто завалился спать.

– Молодец, – сказала я, тихонечко закрывая дверь, – не такой уж ты приставучий парень.

В горнице всё ещё толклась бабка Степанида, наводя окончательный лоск, я помогла ей, и скоро мы разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи.

За окошком давно стемнело, лениво перебрехивались напоследок собаки, а я лежала, положив руки за голову, и прислушивалась к затихающим звукам отходящей ко сну деревни. Наконец глянула на часы, поднялась, переделась в джинсы и футболку и осторожно выглянула в окно. Где-то за околицей глухо ухнула сова, я перекинула ногу через подоконник, опять прислушалась и, не заметив ничего страшного, изготовилась прыгнуть вниз. До земли было недалеко, но прямо под окном росли кусты шиповника, и оцарапаться мне не хотелось. Я примерилась и отпустила руку. В то же самое мгновение внизу что-то зашевелилось, и кто-то сдавленно прошептал:

– Настасья Игоревна!

Излишне будет объяснять, что после этого я с визгом шарахнулась в сторону и, неловко зацепившись в полете за что-то ногой, с треском завалилась в самую середину куста. Подо мной раздался полузадушенный вскрик, я активно забарахталась, пытаюсь восстановить равновесие, и, свалившись с чьей-то спины, очутилась на карачках.

– Кто здесь? – Я попыталась спросить грозно, но вышло как-то жалко. Вскочив на ноги и прижавшись спиной к стене, я тщетно старалась разглядеть того, кто всё ещё барахтался в кустах. – А ну, вылезай!

Пока я вверх тормашками летала по кустам, мне очень хотелось, чтобы здесь появился Стас, теперь же, разглядев поднявшуюся на ноги тонкую мальчишескую фигуру, я молилась, чтобы этого не произошло. Потому что я сразу сообразила, что это не кто иной, как тот самый Володя Савченко, по чьей милости я в настоящее время испытываю столько неудобств. Смущенно опустив глаза, мальчишка шагнул ко мне ближе и прошептал:

– Извините... это я...

«Только бы Стас спал! – думала я, в напряжении косясь на соседнее окно. – Иначе здесь такое будет! Мама ОМОН вышлет».

Но я зря волновалась, Стас так и не проснулся, видно, намаялся, бедняга.

– Хорошее ты время выбрал по гостям ходить, – буркнула я, присаживаясь на скамеечку под окном, и жестом приглашая мальчишку сесть рядом.

– Я днём не мог... – он опустил голову, и я подивилась странной интонации.

Не то чтобы он заплакал, но эти слова явно дались ему нелегко. Вспомнив, в конце концов, что я всё-таки педагог, я постаралась придать голосу максимальную доброжелательность.

– В чём дело, Володя? Расскажи, пожалуйста.

Он сцепил пальцы и зашептал:

– Это я вам записку написал. Вы читали? – я кивнула. – И Ирине Захаровне тоже. Она нашла, я видел. Нельзя ей у забора сидеть, у неё очки отсвечивают...

– Чего? – не поняла я. – При чём здесь очки?

– Они вечером костер жгли, Ирина Захаровна у забора была... у неё очки, и они отсвечивают от огня.

Тут я сообразила, в чём дело, и задумалась. Так, интересно, а кроме него, ещё кто-нибудь заметил сверкающую очками Ирину Захаровну? Следопытка недоделанная, если там и вправду то, о чём она рассказывает, ей запросто отвернут голову, чтобы не совала её куда не следует.

– А зачем ты писал записки?

Тут парень заёрзал и, томясь, пояснил:

– Анастасия Игоревна, вы не подумайте чего... У меня братан есть старший... он очень хороший... Он год назад из тюрьмы вернулся... Но вы не думайте, он ничего такого...

– Я понимаю, Володя, – ободряюще покивала я, хотя, признаться честно, пока ещё ни хрена не понимала и очень опасалась разбудить Стаса.

– Ему почтальонша один раз телеграмму принесла... Он тогда стал нервничать, как я понял. И бабушке говорит: «Поезжай в город, я в огороде сам разберусь». Бабка не хотела, но он настоял. И мне говорит, собирайся тоже. А я говорю: «Чего я в городе не видал, все пацаны здесь». Ну он разорался, обещал по шее дать... Бабку отвёз, а я не поехал. Вадька рукой махнул... А потом к нему друзья приехали. В первый вечер за стол сели, один там всё про баб... – Тут Володя крепко задумался, видно, пытаюсь сообразить, какими словами передавать разговоры моих пляжных знакомцев, и думал достаточно долго. Определившись, наконец, он продолжил: – И тут Вадька вдруг ляпнул, мол, училки вон Вовкины есть, молодые и красивые. Про вас сказал... Ну вот так всю ночь сидели, пили, а этот всё порывался по бабам... то есть хотел к вам в гости... А на другой день сели за стол и стали про кого-то разговаривать, кто одному мужику ихнему руку прокусил...

Я заморгала и съёжилась.

– Ну и что дальше?

– А Вадька говорит: «Это и были Вовкины училки. Одна вот тут, за забором живёт».

Он замолчал, я молчала тоже. Причина, побудившая пацана написать записки, теперь понятна, и я была ему за это весьма благодарна.

– Знаешь, Володя, может быть, тебе действительно лучше в город уехать?

Мальчишка кивнул:

– Да я теперь сам хочу. Вадька меня днём из дома не выпускает. Говорит: «Меньше знаешь – крепче спишь... Сам остался, вот и не ной!» А на фига мне в доме сидеть? Решил завтра с первым автобусом.

– Володя, а сколько у вас гостей?

Володька задумался, потом затряс головой:

– Человек десять. Точно не знаю, Вадька выходить не разрешал, я только ночью, в окно лазил.

– Ясно, – протянула я, однако на самом деле всё было как раз наоборот. И на всякий случай поинтересовалась: – А что они у вас делают-то?

– Знаете, Анастасия Игоревна, по-моему, они чего-то ждут!

Это прозвучало весьма неожиданно, я покосилась на Володю:

– Ждут? Это интересно...

Поговорив ещё немного, я выяснила, что возвращаться сейчас домой Вовка не собирался, решив переночевать в соседском саду. В целом его план я одобрила, однако позволить ребёнку спать на земле не могла, ближе к вечеру поднялся ветер, поэтому я решительно загнала его через окно в свою комнату, строго приказав не шуметь и ложиться спать.

– А вы? – Он высунул удивленную физиономию из окошка, я сердито цыкнула и сказала:
– А у меня дела! Спи, давай! Быстро!

Палить всю ночь на улицах фонари, вероятно, считалось у горелкинской администрации непозволительным излишеством, поэтому ко времени полного сонного затишья большая часть фонарей переставала освещать дорогу припозднившимся жителям. Однако сейчас подобная светомаскировка была мне на руку. В потемках всё же спокойнее, не видишь ты, но зато не видят и тебя.

Размышляя подобным образом, я торопливо пробиралась вдоль тёмных заборов. Совершенно некстати на улице здорово похолодало. Поёживаясь на свежем ветерке, я ругала себя за легкомыслие: из-за всей этой суеты я не додумалась одеться потеплее, ветровка, к примеру, мне сейчас совсем бы не помешала. К тому же я забыла о комарах, которые, почуяв меня, явно воспрянули духом и решили не упускать подвернувшегося шанса на поздний ужин. Так мы и неслись стремглав по спящим Горелкам: я и комары. Оказавшись возле Иркиного забора, я тихо позвала:

– Ирка!

В ту же секунду от тёмных кустов отлепилась неясная фигура:

– Не ори... Иди сюда...

Подруга сурово хмурилась, скорее всего, сердилась за задержку.

– Где ты болталась? – язвительно осведомилась она. – Уснула, что ли? И ты что, на пляж собралась? В одной футболке тебя комары сожрут. Ну ладно, – смягчилась, наконец, Ирка, не умевшая, по правде говоря, долго сердиться, – я тебе кофту дам...

– Спасибоочки... – отозвалась я. – Я тебе тоже удружу, объясню, как буйную головушку на плечах оставить...

Я вкратце поведала о самых последних событиях, о Володе Савченко и о сверкающих Иркиных очках. Сообщение об очках совершенно ошеломило подругу.

– Ну надо же! – растерянно прошептала она. – А кто-нибудь ещё, как ты думаешь, заметил?

Я пожала плечами. Мы немного помолчали, размышляя, и мне уже стало казаться, что сейчас Ирка предложит отменить плановое подглядывание, но она заявила:

– Что ж, придется без очков! Правда, без них я не очень хорошо вижу вдаль...

Я засмеялась, прикрыв рот ладонью. Женское любопытство действительно иной раз не знает границ.

Подстелив под себя телогрейки, мы заняли позицию возле забора. Ирка очки оставила в доме и вообще вела себя очень осторожно. За забором стояла полнейшая тишина, никого не было видно, свет в доме не горел, что в принципе не особенно удивительно по причине позднего часа. Но машины, три джипа и четыре легковые иномарки, присутствовали, тёмной громадой перегораживая большую часть двора. Минут через двадцать наш интерес к соседнему участку начал уменьшаться, я стала украдкой зевать и подумывать: не накинуть ли на себя телогрейку, на которой сию? Этот процесс прервала увесистая дождевая капля, с глухим чпоканьем упавшая мне на голову. Я в удивлении посмотрела вверх, через несколько секунд над нашими головами сверкнула молния, почти сразу же отозвавшаяся громовым раскатом.

Мы вздрогнули и переглянулись.

– Ирка, – сказала я, – тебе не кажется...

– Кажется, – ответила она, – бежим!

Мы подхватились с места и, опережая налетевший порыв ветра, рванули к веранде. Едва мы успели захлопнуть за собой дверь, как по стеклам застучал дождь.

– Ну и лето, – буркнула подруга, – то жара, то холод!

– Ирка, – опомнилась я, – телогрейки-то мы не взяли!

Она досадливо крикнула, хлопнув рукой по боку. Покосившись на залитое дождем стекло, махнула рукой.

– Ладно, дядька с тётей Леной всё равно завтра утром уезжают, не заметят. Я с утра в город с ними поеду, ресторан на вечер закажу, да мне к врачу надо, – она оглянулась на меня, – надеюсь, ты не собираешься сейчас бежать домой?

Я вздохнула, представив, что скажет завтра Стас, если обнаружит мое отсутствие, и покачала головой:

– Конечно, нет.

– Вот и правильно, – обрадовалась Ирка, – пошли спать!

Укладываясь рядом с подружкой на диван, я поинтересовалась:

– Вы во сколько встанете?

– Не знаю, – беспечно отозвалась та, заразительно зевая, – тётя Лена разбудит!

Я проснулась от холода и не сразу сообразила, где нахожусь. Повернувшись на бок, наткнулась на дорожную подружку, бесстыдно замотавшуюся в общественное одеяло. Протянув руку, я взяла со стула свою футболку и быстро надела. Футболка была холодной и сырой, мне стало совсем зябко, и я предприняла попытку вытащить из-под Ирки одеяло. Мероприятие успехом не увенчалось, я плюнула и встала.

Взглянув на часы, почесала в затылке, понимая, что, коль уж проснулась, самое разумное было бы отправиться домой. Время четыре, бабка и та ещё спит. Я торопливо оделась и подошла к окну.

Дождь кончился, о нём напоминали только мокрые листья да лужи. Небрежно размытое лиловой акварелью небо стремительно светлело, солнце, встающее в бледных сиреневых облаках, щедро добавило рассвету струящиеся золотые потоки. Не каждый день такое увидишь. Так что, рассудила я, во всем есть свои положительные стороны.

Однако прежде чем выйти за калитку, я не удержалась и, обхватив себя за плечи руками, чтобы не особенно дрожать, дошла до брошенных телогреек. Они промокли насквозь, я с трудом подняла их и шагнула ближе к забору. В сердце что-то слабенько ёкнуло, но, вопреки ожиданиям, картина передо мной предстала та же: машины, тёмный дом и пустой двор. Я почему-то расстроилась.

Вернее, я знала, почему, но признаваться в этом не хотелось даже самой себе. Я надеялась увидеть Ефима.

– Дура, дура, дура ты, – тихонько пропела я, – дура ты проклятая... У него четыре дуры...

По дороге к калитке я пристроила телогрейки сушиться, стараясь повесить их так, чтобы они не попались на глаза уезжающим Иркиным родственникам.

Несмотря на ранний час и все мои старания, по дороге домой мне повстречалась пара местных жителей, с которыми пришлось здороваться. Удивление, написанное на их лицах, навело меня на мысль о том, что им теперь будет о чем посудачить, гадая, откуда это могла возвращаться в такое время незамужняя учительница младших классов. Добравшись наконец до родного порога и продрогнув окончательно, я на цыпочках вошла в горницу. В доме было абсолютно тихо, если не считать тюканья ненавидимых мною скрипучих старинных ходиков, с

которыми бабка никак не соглашалась расстаться. Я облегченно выдохнула и пошла к себе, но потом передумала и, осторожно приоткрыв дверь, сунула нос в комнату Стаса. Через секунду я готова была заорать в голос: Стаса там не было.

«Всё, – похолодела я, – полный капут...»

В этот момент на лестнице послышались шаги, и я в мгновение ока убралась к себе. Прильнув ухом к замочной скважине, я услышала, как кто-то вошёл в горницу, и по громкому зевку опознала исчезнувшего Стаса. Он прошёл прямо к себе, волоча за собой ноги, словно пенсионер, и я сообразила, что он всего-навсего ходил в туалет. Возрадовавшись, что не столкнулась с ним, я стянула футболку, развернулась, намереваясь плюхнуться в тёплую постельку, и увидела, что в ней, сложив ручки на груди, сладко посапывает Володя Савченко. Я скрипнула зубами, с трудом воздерживаясь от высказываний, и некоторое время смотрела на спящего мальчика. Мальчик был, правда, длинной как раз с мою кровать, однако из-за этого он не переставал быть ребёнком, и будить его я, конечно же, не стала. Уныло глянув на будильник, я решила, что если разбудить Вовку через полчаса и напоить его чаем, то он вполне успеет на шестичасовой автобус. Я натянула свитер, подумала, взяла ещё плед и устроилась на стуле возле окошка. Положив локти на широкий подоконник, я следила за утренней разминкой птиц в небе и раздумывала о превратностях жизни.

– Эй, Корона Российской Империи! – Я вздрогнула, и чуть было не свалилась со стула на пол, потому что правый бок онемел окончательно и на сигналы мозга не реагировал. – Знал я, что ты с чудинкой, но чтоб настолько...

Я заскребла ногтями по подоконнику, силясь встать на ноги, но мои попытки, подозреваю, выглядели весьма жалко, шея тоже одеревенела, и единственное, на что я была способна, так это достойно отвечать.

– А ты – Тюбетейка Туркменской Федерации, – отозвалась я, глядя в окно, поскольку другого выбора у меня просто не было, – шибко умный...

Отлепившись наконец от подоконника, я встала и вдруг увидела под локтем сложенный вчетверо лист бумаги. Я судорожно скомкала его, пытаюсь незаметно от Стаса запихнуть под свитер. Совершив к тому моменту поворот на сто восемьдесят градусов относительно подоконника, я увидела, что постель моя пуста, а повернувшись ещё на девяносто, смогла разглядеть Стаса, стоящего в дверях в весьма эффектной позе.

– В кровати тебе уже не спится?

– Не-а, – протянула я, энергично растирая шею и гадая, куда же мог деваться мальчик и был ли он вообще. – А время сколько?

– Девять, – отозвался Стас, – Степанида Михайловна в город уехала... Неужели всю ночь за подоконник держалась?

– Держалась... Вот что, выйди-ка, мне одеться надо! – Я решила на всякий случай заглянуть под кровать, к тому же очень хотелось прочитать записку.

– Зачем тебе одеваться? – продолжал отсвечивать Стас. – Ты уже одета...

– Стас, – повысила я голос, – выйди!.. Пожалуйста...

– Подумаешь, – сказал он, – очень надо!

И закрыл дверь. Я тут же сунулась под кровать, но там было пусто. Тогда я вытащила из-под свитера бумажку, развернула и прочитала:

«Спасибо! До свиданья!»

– Тьфу ты! – плюнула я в сердцах.

Значит, Вовка просто-напросто проснулся раньше и ушёл, пока все ещё спали... А вдруг его Стас видел? Нет, не может быть, он бы не промолчал, не вытерпел. А бабка? Эта уж точно такой бы хай подняла, что чертям тошно стало бы. Выходит, пацан смылся незаметно, вот и хорошо. Скомкав лист, я бросила его в корзину. Но, подумав, достала и разорвала на мелкие кусочки. В нём, собственно, ничего криминального не было, но мало ли! Я теперь пуганая.

Позавтракав, я сняла висящий на стене календарь и, усевшись возле окна, стала прикидывать, в какой день неплохо было бы съездить на работу. В конце месяца у нас две экскурсии, и вопросы транспорта лежали на моей совести. Конечно, никаких проблем с транспортом не ожидалось, но неплохо всё же подготовиться заранее.

– Стас! – крикнула я. – Ты что делаешь?

– Читаю, – недовольно отозвался он, и я тут же поняла, что сегодняшний день ничем не хуже других.

– Мне в город надо, я поехала!

Как я и ожидала, через минуту в горнице появился Стас, держа в руке толстую книгу с закладкой из конфетного фантика.

– Чего это вдруг?

– Ничего не вдруг! В школу надо заехать. А вечером Ирка нас в ресторан пригласила, так что не буду время терять, поеду прямо сейчас, – я глянула на ходики, – автобус через двадцать минут. Ты отдыхай, не стесняйся.

Стас посопел немного, сунул книгу на полку и пошёл в свою комнату. Минут через пять вышел переодетый и причесанный.

– А ты что, прямо так поедешь? – он ткнул пальцем в мой халат. – Иди, переодевайся!

– А ты куда? – захлопала я ресницами. – Тебе тоже в город надо?

– Ага, надо, – ответил Стас и пошёл заводить машину.

«И чего я вредничаю? – вешая календарь на место, размышляла я. – Можно было бы завтра съездить... или послезавтра...»

Всю дорогу мы ехали молча, я смотрела по сторонам, Стас, естественно, вперёд. Выйдя из машины возле школьных ступенек, сказала:

– Не знаю, сколько времени это займёт... Думаю, часа три. Хочешь, возвращайся домой, я на автобусе приеду..

Стас молча кивнул и уехал. Я посмотрела ему вслед. Зачем я это сказала? Ведь знаю, что бросить меня он просто не может, его здесь оставили, чтобы он таскался за мной, словно собачий хвост. Но мне от этого не легче! Стас славный малый, только нянька мне совершенно ни к чему. Я постояла немного на ступеньках, развернулась и направилась к воротам. Через две улицы есть недурная парикмахерская, а мне как-никак вечером в ресторан!

Потому вскоре я сидела в высоком крутящемся кресле, с интересом разглядывая свою новую причёску.

– Вам очень идёт! – улыбнулась мне в зеркало парикмахерша, я улыбнулась тоже, показав, что согласна.

Потом я сделала маникюр и, потряхивая кистями рук, долго разглядывала журналы с модными лет пять назад дамскими причёсками. Идти в школу мне совсем не хотелось, но раз уж приехала... Я расплатилась и вышла на улицу.

– Анастасия Игоревна! – радостно встретила меня на пороге Евдокия Ивановна, наш завуч, добрейшая пожилая дама с неприлично большим стажем работы в школе. – А я тебя, голубушка, вспоминала! График-то ты у меня оставила!

– Да?! – обрадовалась я, силясь вспомнить, о каком графике идёт речь. – А я думаю, куда он делся!

– У меня, у меня, не волнуйся! А насчет автобуса я тебе один телефон дам, сейчас туда и позвоним!

За разговором мы поднялись на второй этаж, и зашли в учительскую, где за журнальным столиком шумно пила чай едва ли не половина нашего педсостава.

– Анастасия Игоревна, – развела руками учительница первого «В» Светлана Кирилловна, – красота несказанная, откуда это ты?

– Из парикмахерской, – я скромно потупилась, сообразив, что мою новую причёску заметили.

В течение следующих полутора часов мы говорили о разных женских проблемах, одновременно распивая чай с бисквитным тортом. Собразив, что Стас наверняка заждался, я потянулась к телефону, и через десять минут все транспортные проблемы были улажены, а я получила полную, честно заработанную свободу не меньше чем на неделю. Пропрощавшись с коллегами, я отправилась на улицу, в очередной раз забыв у Евдокии Ивановны какой-то таинственный график.

Спустившись во двор школы, я огляделась, но ни Стаса, ни его «девятки» нигде не наблюдалось. Потоптавшись несколько минут, я обошла школу, но результат был прежним.

Не веря до конца в происходящее, я вышла со двора и направилась в сторону ближайшей автобусной остановки. По дороге, не теряя надежды увидеть знакомую «девятку», я вертела во все стороны головой, но улица была абсолютно пуста, и только страстно купающиеся в тёплой белой пыли воробьи вносили в уличный пейзаж некоторое оживление. Прочитав расписание и поняв, что ближайший автобус будет только через полчаса, я собралась обидеться на Стаса и уже прикидывала, в чём именно это будет выражаться, как вдруг напротив меня затормозила встречная «Ауди», выглядевшая среди обшарпанных двухэтажных домишек старой улицы довольно экзотично.

Я с интересом разглядывала машину, когда водительское стекло плавно скользнуло вниз и обладатель золотого «Ролекса» и внушительной печатки на безымянном пальце поинтересовался:

– Анастасия, если не ошибаюсь?

Я склонила голову набок и увидела сидящего за рулем мужчину лет сорока, полноватого и лысоватого. Отвечать я не торопилась, размышляя, кто же это может быть и откуда он меня знает. Я его, к примеру, в первый раз вижу.

– Вы меня не узнаете?

Ясное дело, не узнаю...

– Мы были вместе с вами на пляже в Горелках...

Это было чистое враньё, после этих слов я начала потихоньку пятиться назад, досадую на то, что улица словно вымерла. По мере моего отдаления от машины стало видно, что рядом с водителем сидит пассажир, в котором я, холодея, признала укушенного мною седого Сёму. До школы отсюда было метров триста, не меньше, «Ауди» проедет это расстояние гораздо быстрее, чем пробегу я, у неё четыре колеса, а у меня всего лишь пара ног. Которые к тому же сейчас здорово ослабли.

«Ну, Стас, – разозлилась я, – нашёл время гонор показывать!»

Дальнейшие события заставили меня подобраться для решительного и, весьма возможно, последнего пробега в жизни, потому что Сёма вдруг активизировался и вылез наружу. Он развернулся, положил руки на крышу машины и весьма неприятно улыбнулся. Правая рука у него была перебинтована, думаю, именно это он мне и демонстрировал.

– Имейте в виду... – сурово начала я и в то же самое мгновение боковым зрением увидела целую толпу женщин, вышедших из ворот школы.

Во рту моментально пересохло, но я была счастлива: это были мои коллеги и направлялись они в нашу сторону.

– Пока! – едва слышно процедил Сема и, не спеша, вернулся на своё место.

Махнув мне ручкой, словно лучшей знакомой, лысый закрыл окно, и машина неторопливо скрылась за поворотом. Я всё ещё судорожно сглатывала слюну, когда ко мне подошли мои ничего не подозревающие спасительницы.

Оправившись от испуга, я прикидывала: а что могло бы быть? Надавал бы мне по шее? Ну уж не убил бы, наверное... А вдруг бы укусил? Эта мысль меня здорово развеселила, и

в автобус я садилась в самом прекрасном расположении духа. К тому же в нём я нос к носу столкнулась с возвращающейся домой бабушкой Степанидой. Мы обе обрадовались, потому что хоть и недолго, но вместе ехать всё-таки веселей.

Забрав у бабушки тяжёлую сумку, я вылезла из автобуса и, развив, помимо воли, прямо-таки спринтерскую скорость, рванула к дому, оставив Степаниду далеко позади себя.

Возле закрытой калитки я обнаружила Ирку, вышагивающую в большом нетерпении три шага влево, потом три вправо. Меня даже поразило усердие, с каким подруга выполняла это нехитрое упражнение, и, подойдя поближе, я сказала:

– Слушай, прямо «Лебединое озеро», не меньше!

Ирка вскинула голову и всплеснула руками:

– Ой, я тебя жду!

Это я поняла и без неё и, поскольку сейчас она мне мешала побыстрее разыскать Стаса, поинтересовалась:

– У тебя что-то срочное?

Вытащив глаза, Ирка закивала с таким жаром, что у меня задрожали руки и ноги, и бабушкину сумку пришлось поставить на землю.

– Так, только спокойно... Что случилось?

– Стаська... Телогрейки пропали... – Она отпрянула, следя за моей реакцией. – Те, на которых мы у забора сидели... Понимаешь, что это значит?

– Понимаю, – ответила я, прикладывая массу усилий, чтобы не обозвать её, – это значит, что я утром повесила их под навес, чтобы они просохли!

– Под навес? – ошарашенно переспросила она. – Ты?

– Я. У тебя все новости?

– Выходит, что все...

– Тогда пошли...

Я подхватила сумку и ринулась к дому. В мгновение взлетев по лестнице, я прошла горницу и ткнулась в дверь к Стасу. Дверь оказалась заперта.

– Стас, – зашипела я, – ты здесь?

Какое-то время стояла тишина, потом заспанный голос отозвался:

– Кто там?

– Я там! – заорала я. – А ты тут?

Я услышала, как Стас прошлёпал босыми ногами до двери.

– Ты чего? – Он недоуменно моргал на меня, почесывая затылок и сонно щурясь. – Чего орёшь, спрашиваю?

Увидев его, я умолкла. Я от него старалась избавиться? Старалась. Он меня оставил в покое? Оставил. Чего я, собственно, от него хочу? Ну испугали меня эти двое в машине, ну и что? Если я сейчас расскажу о них Стасу, он возьмёт меня в охапку и отвезет в Москву, и тогда я не увижу Ефима.

– Так чего? – повторил он, а я пожала плечами и ответила:

– Ничего, просто так!

Он хмыкнул и убрался обратно в свою комнату, а доковылявшая тем временем до дома бабушка с порога задала вопрос:

– Что ж ты сумку не разобрала?

Ирка, верно оценив мое несколько неадекватное состояние, с весёлым щебетанием стала ей помогать, а я вышла в сад.

Через пару минут за мной вышла Ирка.

– Ты чего такая?

Мы уселись на невысокий топчан возле сарая, и я рассказала ей о сегодняшней встрече.

– И чего они хотели?

– Не знаю, это мы не успели обсудить.

– Ну из машины-то он для чего вылез?

– А я откуда знаю? Может, у него нога затекла... Я, честно говоря, струсилa жутко. Если бы наши из школы не вышли, то и не знаю, что было бы дальше. И тут ещё Стаса нет! Как нарочно. Я думала, он меня возле школы ждёт, а он... дрыхнет! Хотя, с другой стороны, я думаю, он нам больше не будет мешать.

– А он нам мешал? – усомнилась Ирка.

– А как же? Таскался везде. Это мама его накрутила, я знаю. Я им что, ребёнок?

Подруга разделила мое возмущение. Чрезмерная родительская опека (по словам Ирки, в Надькиной интерпретации в деле фигурировала большая страстная любовь) в своё время подтолкнула её к замужеству, завершившемуся, к всеобщему счастью, через шесть месяцев.

После чего Иркина мама, вероятно, опасаясь дальнейших проявлений дочкиной самостоятельности, махнула на неё рукой, что весьма благотворно сказалось на их взаимоотношениях. Пока мы внушали самим себе мысли о полной жизненной самостоятельности, я вспомнила:

– Ой! Поздравляю тебя с днём рождения!

– Ой! – обрадовалась Ирка. – Спасибо! Я и забыла уже!

– Забыла? А ресторан?

– Нет, с рестораном всё в порядке. В «Магии» на восемь столик заказала. – Тут она озабоченно взглянула на часы. – Слушай, я пойду к Надьке, предупрежу её.

– Давай, – махнула я рукой, – полвосьмого на остановке!

Ирка ушла, я позагорала немного на топчане, но это достаточно жёсткая конструкция, я и решила перебраться в гамак. Висел он в саду, в тенёчке, на столбах, вкопанных ещё год назад Стасом. В гамаке я обнаружила забытое мною одеяло, насквозь промокшее под вчерашним ночным ливнем и не успевшее высохнуть. Стоя перед мокрым гамаком, я размышляла о том, что если человеку не везет, то сразу во всём. И одеяло могло бы быть сухим, и в машине вместо Сёмы мог бы оказаться Ефим, и вообще, я вполне могла бы не приезжать в этот забытый богом город, и... Так, стоп, стоп, что это ты заныла?

Возвращаясь в дом, я, повинаясь внезапному порыву, зашла в сарай, куда по сложившейся уже традиции ставились все приезжающие машины. «Девятка», конечно, была здесь, я обошла её и, уже выходя, потрогала рукой капот. Машина была пыльной, однако меня удивило другое – она была тёплой.

Времени на сборы оказалось предостаточно, я поклонялась по дому, делая вид, что слушаю рассказ Степаниды о сегодняшней поездке. Поняв, что заняться нечем, заварила себе зелёного чая и, прихватив книгу, оставленную Стасом на полке, устроилась на кровати.

– Кинг, – прочитала я и удивилась.

Вот уж никогда бы не подумала, что Стас читает Кинга. Как-то это на него не похоже.

Однако страсти, описанные в книге, при ярком солнечном свете казались не слишком убедительными, я вздыхала, маялась, но встать, и поменять книжку было лень. В какой-то момент, стукнувшись лбом об твёрдый переплёт, я поняла, что шанс уснуть достаточно велик, а этого как раз допускать никак нельзя. Пришлось встать и заняться макияжем. Решив не мелочиться, я заодно надела нарядный костюм и вытащила из дальней коробки изящные туфли.

Увидев меня при полном параде, бабка одобрительно закивала головой:

– Очень хорошо! А то всё в джинсах своих, прости господи... Хоть на человека стала похожа.

Поскольку похвалить без всяких дополнений бабка просто не умела, вторую половину отклика я пропустила мимо ушей.

- А чего рано-то? – поинтересовалась бабка. – Тебе вроде к полвосьмого?
– Угу, – кивнула я, – заснуть боюсь. Ночью плохо спала, глаза теперь слипаются.
– И чего это тебе не спалось?

Я пожала плечами:

- Погода, наверное...

Тут произошло явление народу Стаса. Безмятежное выражение его лица говорило о том, что человек неплохо отдохнул и жизнью своей вполне доволен. Он лениво потянулся, едва не достав при этом потолок, и кротко вздохнул.

– Настасья, поди, помоги! – позвала меня бабка, с трудом передвигая по полу тяжелый бидон.

Стас, конечно же, сразу бросился к бабке на помощь, но я тоже поднялась из-за стола и шагнула в сторону кухни. Увидев меня в полном боевом оперении, Стас остановился, словно вкопанный и заморгал.

– Оу! – протянул он, и тут я сообразила, что в течение уже двух лет, бывая здесь наездами, Стас всегда видел меня в джинсах либо в шортах и с хвостиком на затылке.

Он так привык видеть во мне малолетнюю пацанку, что столь неожиданное перевоплощение далось ему нелегко.

Бабка гремела неподъёмной посудинной. Стас продолжал стоять столбом, а я, наслаждаясь произведенным эффектом, вздохнула:

- Стас... не поможешь Степаниде Михайловне?

Он опомнился и кинулся к бабке. Но та уже справилась сама и теперь поджимала губы, красноречиво изображая самый что ни на есть живой укор.

- Извините, Степанида Михайловна, – буркнул Стас и повернулся ко мне: – Ты что это?

– Что надо, – отрезала я, но потом добавила: – Я же говорила, у Ирки день рождения, мы в город едем, в ресторан.

- А! – протянул Стас. – Ясно!

Что ему там было ясно, не знаю, он снова ушёл в свою комнату, и я услышала, как заскрипели диванные пружины.

«Этак он здесь растолстеет так, что в дверь не пролезет!» – подумала я, покачав головой.

Через час я топталась на автобусной остановке. Дорога проходила рядом с деревней, метрах в трехстах. Вскоре я принялась нетерпеливо поглядывать на часы. Автобус должен вот-вот подойти, а подружек всё ещё не видно.

Я злилась, в сотый раз меряя шагами асфальт остановки. Подняв глаза, увидела вдалеке на дороге пыльное белое облако.

«Прекрасно! Автобус!»

Автобус стоял с открытыми дверями, водитель и пассажиры долго и удивленно таращились на меня, но я с места не трогалась. Отчаявшись, махнула водителю рукой, он пожал плечами и, обдав меня облаком пыли, покатыл дальше.

«И что всё это значит? Неужели что-то случилось?»

Осенившая вдруг догадка заставила сердце ёкнуть, но тут я увидела на дороге машину и грозно сдвинула брови. Возле меня с весёлым скрипом затормозила Стасова «девятка», с заднего сиденья мне радостно улыбались подружки.

– Ждёшь? – полюбопытствовала Ирка. – А нас, видишь, Стас в честь дня рождения предложил подвезти... Садись!

Ирка распахнула дверцу, я, не переставая сверлить Стаса гневным взглядом, полезла в салон. Не в силах сообразить, какую бы гадость сказать этому зловредному парню, я помычала в бессилии и зашипела:

– Развел свинарник в машине, приличной женщине сесть невозможно!

Стас едва заметно хрюкнул, а девчонки наперебой стали за него заступаться. Поскольку до города на машине ехать было всего ничего, распалиться как следует я не успела.

– Спасибо, Стас! Пока! – улыбнувшись до ушей, Ирка покинула машину, вслед за ней и мы с Надькой.

– Спасибо, Стас! – передразнивая подружку, я скорчила ему рожу, на что он покачал головой и вздохнул.

– Слушай, ну чего ты, а? – укоризненно повернулась ко мне Надька. – Что ты к нему привязалась?

– А почему мне не сказал, что нас подвезёт? Я на остановке без малого полчаса проплясала. Думала уж, вдруг что-то случилось! А он ведь это нарочно сделал! Подождал, пока я вышла, и за вами поехал... вредитель...

– Ладно, – буркнула Ирка, – смотри под ноги, а то брякнешься!

Брякнуться на ступеньках ресторана с завораживающим названием «Магия» было немудрено. Ступеньки были каменные, к тому же чрезвычайно высокие, скользкие и узкие. Зачем заведению, основная задача которого напоить клиента, такие, я бы сказала, опасные ступеньки, было непонятно. Однако из-за такой мелочи, как ступени, привередничать не стоило, как ни крути, «Магия» была самым крутым рестораном в городе. Большим плюсом его была гарантированная безопасность, заведение держало марку, возле дверей стояли поджарые охранники, и все конфликты, как правило, заканчивались не начавшись.

Итак, мы вскарабкались к дверям ресторана, крепкие парни, улыбаясь, распахнули перед нами двери, и мы вплыли внутрь. Высокая женщина в строгом костюме вежливо предложила свою помощь, и через полминуты нас проводили к нашему столику. Расположен он был не самым удачным образом, но вполне терпимо: подальше от гроыхающей сцены и возле стены. Оглядевшись украдкой, я увидела, что публика в зале вполне приличная, и успокоилась.

– О-о! – протянула Надька, приняхиваясь к ароматам уже сервированного стола. – Мне кажется, что я хочу есть!

– Да погоди ты! – зашипела я на неё. – Зачем сразу есть! Сначала нужно шампанского выпить, поздравить человека!

– Ладно, давайте! – скрепя сердце согласилась она и вздохнула.

Официантка ловко откупорила шампанское, мы подняли бокалы, и только я собралась открыть рот, чтобы сказать что-нибудь сообразное случаю, как на сцене зашипело, захрюкало и сквозь всё это гроыхнуло:

– Нет, не надо слов в этом случае,

Всё окупит страсть, унесёт любовь...

Я едва не выронила бокал, девчонки сначала подскочили вверх, а потом расхохотались. Я махнула рукой и сказала:

– Ладно, Ирка, короче говоря, мы тебя поздравляем с днем рождения! На, это тебе!

Ирка усердно закивала головой и приняла подарки.

Она долго обнимала Надьку за роскошный альбом шедевров Дрезденской галереи, который давно мечтала купить, а раскрыв подаренный мною футляр и увидев браслетик, завизжала на весь зал. На нас немедленно уставились не менее тридцати пар удивленных глаз, подружка спохватилась и зажала рот. Немедленно нацепив браслет на руку, она завертелась на месте и, не в силах сдержать восторг, затрясла головой. Глядя на её реакцию, я очень обрадовалась, что так ей угодила. Вскоре Ирка выдохлась, и вертеться перестала. Но глаза её счастливо блестели, поэтому, сами понимаете, шуму за нашим столиком было предостаточно. Мы втроем одновре-

менно болтали, хихикали без всякого повода и не успели моргнуть глазом, как протянувшая руку к шампанскому Надька недоуменно сказала:

– Пусто...

– Да ладно! – недоверчиво махнула Ирка и взяла бутылку. – Надо же...

Привлекши внимание официантки яростным размахиванием рук над головой, мы заказали ещё шампанского и только собрались продолжить столь замечательно протекающий девичник, как вдруг возле нашего столика возник улыбающийся усатый мужчина в светло-зелёном пиджаке. Мы разом умолкли, с неодобрением разглядывая незнакомца, но такой холодный прием его не смутил, и он галантно пригласил Надежду на танец. Судя по её первой реакции, она собралась послать его к чёртовой бабушке, но воспитание пересилило, и, тяжело вздохнув, подружка вылезла из-за стола. У нас с Иркой соответственно появилась новая тема для обсуждения, которой мы и посвятили себя без остатка.

Понаблюдав за Надькиным кавалером, Ирка разочарованно качнула головой:

– Нет, этот козёл нашей Надежды недостоин...

Я кивнула. Мужчина, в общем-то, был неплох, но нашей подружке нужно что-нибудь посолиднее. Танец закончился, мы увидели, как, растягивая губы в улыбке, Надежда решительно трясёт головой в ответ на слова кавалера. Похоже, ей он тоже не приглянулся и от продолжения знакомства она твёрдо отказывается. Наконец мужчина проводил Надьку до столика, последний раз с надеждой заглянул ей в глаза, дрогнул усами и удалился, так и не добившись ответа.

– Отшила?

– Угу, – прошипела Надежда, – вот пристал!

Однако через пару минут кавалер был забыт, и мы снова весело смеялись, болтая о разных пустяках, милых сердцу каждой женщины. Вскоре разговор сам собой коснулся нашего не самого удачного отдыха на пляже, и мы с Иркой наконец поведали Надежде все последние новости, включая сегодняшнюю мою поездку в школу.

– И что теперь? – спросила она, когда мы закончили.

Мы с Иркой дружно пожали плечами.

– Но ведь нужно что-то делать! – энергичная Надькина натура требовала немедленных действий.

– А что можно сделать? Ничего! Ничего, собственно, не случилось...

– Как ничего? А на улице он к тебе приставал?

– Нет. Он просто вылез из машины...

– Девчонок этих с пляжа надо найти!

– Где найти? Ты их знаешь? Может, они из Никитина, а может, из Огольцов, или из города купаться приехали... Да и что они смогут сказать? Что у них полотенца из рук вырвали?

Надька надулась, пытаясь все-таки измыслить причину, по которой нам немедленно пришлось бы обратиться в милицию.

– Да нет, Надька, ты не о том... – поморщилась Ирка. – Это всё одни эмоции, на хлеб их не намажешь...

– А кто Стаське чуть в глаз не дал? – вспомнила Надька и оживилась: – Этого мало?

– Надежда, – сказала Ирка так, словно разговаривала с ученицей на уроке, – опомнись. Это Стаська его искусила. У него восемь свидетелей. Да и мы с тобой это видели. Ты что же, Стаську, что ли, упечь хочешь?

Но так просто Надежда сдаваться не собиралась.

– А воротник? – ввернула она свой основной козырь и гордо на нас посмотрела.

Такой поворот событий, однако, совершенно не устраивал меня. Это напрямую касалось Ефима, который хоть и обезобразил подружкин любимый халат, мне, по большому счету, помог. И к безобразиям Сёмы он никакого отношения не имел, его вообще рядом не было. Об

этом я и заявила подружкам, которые многозначительно переглянулись и закудахтали, словно куры на грядке:

– Ой-ой-ой... Да-да!

– Да, – с вызовом подтвердила я, – именно!

Надька, смеясь, хлопнула меня по руке:

– Да ладно тебе обижаться! Мы же шутим! Парень и правда, обалденный, чего говорить!

Обижаться на подруг я и в самом деле не собиралась, и мы подробно обсудили все достоинства молодого человека, придя к единодушному мнению, что там есть на что посмотреть. Занятые столь увлекательным разговором, мы не обращали ровно никакого внимания на окружающих, и, как выяснилось, напрасно. В какой-то момент у нашего столика возникла улыбающаяся пьяная физиономия, увидев которую мы дружно заморгали, переглянулись и тяжело вздохнули.

– Можно? – несколько неопределенно поинтересовался молодой человек и икнул.

Мы снова переглянулись, и Ирка, как видно, не потерявшая ещё надежды на благополучный исход дела, уточнила:

– Что именно?

– Вас! – безапелляционно заявил молодой человек и протянул ей руку.

– В каком смысле? – пролепетала Ирка, с опаской заглядывая в раскрытую ладонь молодого человека, словно надеясь там что-то найти. – Что значит – вас?

– Ну это... – парень маслено расплылся и небрежно покрутил рукой в воздухе. – На танец, короче...

– Какой ужас... – прошептала Надька, косясь на парня. – Тот хоть на ногах держался.

– Этот здесь дольше отдыхает, – прикрыв рот ладонью, отозвалась я, – но в целом ты права...

Пока Ирка растерянно моргала, молодой человек активизировался и шагнул ближе. Сложное телодвижение далось парню с трудом, его занесло, и он налетел на край столика, чудом не переколов посуду. Эта маленькая неприятность не остудила пыл настойчивого танцора, казалось, напротив, она его здорово позабавила. О нас этого сказать было нельзя: просто дико идти танцевать с едва удерживающим равновесие мужиком, однако тихого, но решительного Иркиного «нет» он просто не заметил.

– Да ладно, пошли! – нетерпеливо тряхнул он рукой и едва не упал сидящей Надьке на голову.

Надька судорожно увернулась и встала, давая возможность ослабленному организму вернуться в вертикальное положение, но парень всё понял неправильно. Благодарно икнув, он уселся на её стул и замотал головой, словно лошадь. Этого никто из нас не ожидал, особенно Надежда. Глаза её округлились, и она начала набирать в лёгкие воздух, чтобы высказать нахалу все свои пожелания разом. Но тут наш гость перестал мотаться, поднял на Ирку глаза и спросил:

– Ты, сука, думаешь, что слишком хороша для меня? Будет выделяться, ломает тут из себя... Тебе цена рубль...

Поскольку во время этой речи он попытался взять Ирку за грудки, Надежда не стала дожидаться окончания сцены, а, ухватив его покрепче за шиворот, рывком выдернула из-за стола и отправила на бредущем в пространство. Вывод спутника на орбиту сопровождался изрядным шумом, теперь мы привлекли внимание абсолютно всего ресторана, включая официанток и метрдотеля. Я же попыталась позвать охранника, стоявшего возле дверей, но тот повёл себя весьма загадочно. Окинув взглядом наш столик, он отвернулся в противоположную сторону, открыто демонстрируя полнейшую незаинтересованность в происходящем. Мне это показалось странным, но после того, как я увидела, что метрдотель, та самая высокая дама, которая встречала нас у входа, торопливо удалилась из зала, поняла, что мы влипли.

Наш танцор всё ещё пытался подняться на ноги, когда я повернулась к побледневшей Ирке и сказала:

– Дорогая, мне кажется, что лучше свернуть наши посиделки и продолжить их дома, в интимной обстановке.

– А чего вдруг? – поинтересовалась Надежда, занимая свое законное место. – Подумаешь! Этого козла выкинут сейчас отсюда, и всех дел.

– Видишь ли, – начала я, следя глазами за нашим незванным гостем, сумевшим, наконец, встать на ноги. Он, прихрамывая, направился в дальний угол зала, где в огороженном от любопытных глаз закутке сидело несколько мужчин весьма, я бы сказала, специфичной наружности. В настоящий момент все они с большим интересом наблюдали за нами, так же как и за своим неудачливым товарищем. Расположение их столика и, самое главное, демонстративное нежелание охраны принимать участие в этом инциденте навели меня на мысль о том, что граждане из этой компании спокойно могут позволить здесь так себя вести. И скорее всего, не только здесь. – Видишь ли, у меня сильное подозрение, что из всех козлов, находящихся в этом зале, ты выкинула того, которого выкидывать нельзя.

– Почему?

– Потому... – Тут я увидела, что от той самой компании отделились двое и двинулись в нашем направлении. – Господи, кажется, начинается...

– Начинается что? – переспросили девчонки, и, опережая их желание разом оглянуться, я зашипела:

– Не оглядывайтесь! И если что...

– Что если что? – вытаращила глаза Ирка, застыв на стуле.

– ...Не бузите, улыбайтесь, кивайте и со всем соглашайтесь! – последние слова я выпалила скороговоркой и, растянув рот до ушей, пропела: – Здравствуйте!

Девчонки, сидящие к залу спиной и поэтому не видевшие ещё подошедших мужчин, разом замерли, неотрывно глядя мне в глаза и изображая приветливый оскал.

– Здорово, здорово, – слышалось небрежно растянутое в ответ, подруги не вытерпели и скосились на подошедших. – Отдыхаете?

– Ага! – гаркнули мы, словно по команде и заулыбались так, что в ресторане смело можно было бы выключить свет.

Украдкой разглядывая подошедших мужиков, я пришла к выводу, что ранее с ними не сталкивалась. Хотя понять, что они собой представляют, было не слишком сложно: блатная манера растягивать слова и своеобразная спортивная униформа говорили сами за себя. Золотые печатки, украшавшие оттопыренные пальчики, смотрелись в сочетании со спортивной формой особенно элегантно.

– Может, потанцуем? – мечтательно протянул тот, что был повыше и обладал весьма примечательными оттопыренными ушами, производящими на фоне отсутствия растительности на голове довольно сильное впечатление.

Мы неопределенно замычали, пряча глаза и, вероятно, испытывая общее желание оказаться под столом.

– Ну чё? – уточнил второй, разглядывая наши жалкие ужимки в полном недоумении. – Вы чё, вести себя не умеете, в натуре? Вам здесь чё?

Я уже была готова согласиться, что не умею себя вести не только в натуре, но и во всех остальных местах тоже, однако тут подала голос Ирка:

– Мы бы с удовольствием, только видите, музыка уже кончилась, так что извините...

Это была, конечно, промашка. Оценив сказанное, Ушастый живо развернулся в сторону сцены и крикнул:

– Веня, давай!

И Веня дал. В динамиках снова захрипело, заурчало, но, удачно справившись с накатившим приступом астмы, аппаратура вдруг радостно взвизгнула и заиграла.

И не что-нибудь, а танго. Тут я совсем окаменела и опустила глаза вниз, окончательно и бесповоротно не желая смотреть ни на кого из присутствующих. Таким образом, в оборот попали подружки, кавалеры стояли как раз за их спинами, и не увидеть предложенных им рук девчонки не могли. В результате обе они поднялись...

Всё было в порядке, я осталась в гордом одиночестве, и единственное, чем теперь могла заняться, так это доесть свою отбивную. Наблюдая за танцующими подружками, я раздумывала о том, что, возможно, волнуемся мы напрасно, ничего опасного в общественном месте случиться не может.

В конце концов, я увлеклась, разглядывая, как лихо отплясывают танго мои девчонки, танец непростой и требующий определенной сноровки. Но вот танго закончилось, девчонки рванули к столику, но не тут-то было! Кавалеры остановили их довольно решительно, музыка заиграла, и после небольших препирательств они продолжили танцевать. Я неодобрительно покачала головой, но сделать ничего было нельзя, оставалось только ждать.

Неожиданно к нашему столику, свирепо виляя бедрами, подошла официантка, в руках у неё был поднос, на котором красовалась бутылка шампанского и ваза с клубникой. Всё это великолепие перекочевало на наш столик. Разглядев этикетку на бутылке, я решительно заявила:

– Мы этого не заказывали! – Заказав такое шампанское, Ирка расплачивалась бы за него как раз до следующего своего дня рождения. – Уберите!

– Конечно, вы это не заказывали... – не удержавшись, официантка поджала губы и смерила меня презрительным взглядом: – Это вам прислали...

Снисходительный тон нахалки помешал мне проявить естественную реакцию и открыть рот от удивления. Решив разобраться с таинственным отправителем позже, я закинула ногу на ногу, оперлась локтем о спинку стула и, качнув указательным пальцем, бросила:

– Шампанское в лёд...

– Что? – не поверила своим ушам работница общепита, и крахмальная наколка на её волосах встала дыбом.

– Шампанское в лёд... – повторила я, чувствуя, что начинаю холодеть от ярости, – в лёд... Что, вы по-русски не понимаете? Не иначе в Лондоне стажировались?

Глаза женщины заledenели, я сообразила, что сегодняшний счёт за ужин мне придется самолично проверять с карандашом в руке. И чтобы окончательно поднять ей настроение, я добавила:

– Шампанское откроете через пятнадцать минут...

Этого официантка вынести уже не смогла. Она стремительно рванула прочь, спотыкаясь от перенесенного шока. Я усмехнулась и оглянулась на танцующих, на которых по причине занятости некоторое время не смотрела. Девчонки мои всё ещё перетапывались под медленную музыку, и если у Надежды, судя по виду, всё было в порядке, то у Ирки явно возникли проблемы.

Очевидно, почувствовав во время танца нежное влечение определенного свойства, кавалер медленно, но верно стискивал подругу всё сильнее и сильнее. Ирка терпеливо пыталась покончить с подобными проявлениями дружбы, но весовые категории сторон здорово отличались, поэтому все её старания ни к чему не приводили. С возрастающим напряжением я следила за ведущей неравную борьбу подругой, пытаясь изобрести оптимальный вариант выхода из сложившейся ситуации.

Меж тем компания, делегировавшая из своих сплоченных мужских рядов кавалеров, в данный момент развлекающих моих девчонок, вела себя чрезвычайно непосредственно.

Наблюдая за своим активным товарищем, они от души веселились, комментируя происходящее и громко давая советы, вгонявшие Ирку в краску по самые уши.

Наконец музыка умолкла, я напряглась, ожидая дальнейшего развития событий. Я мельком успела отметить, как Надежда, легко распростившись со своим кавалером, направилась к нашему столику, у Ирки всё оказалось сложнее. Мужик вроде бы разжал руки, Ирка развернулась, чтобы уйти, но он поймал её за кисть и рванул к себе. Едва не упав, Ирка крутнулась вокруг своей оси и снова оказалась в крепких объятиях.

– Веня, давай! – заорал этот придурок, и вновь заиграло танго.

В то же мгновение я поднялась, резко отодвинув стул и не сводя глаз с отвратительной наглой рожи.

– Салют! – вдруг сказал кто-то сзади, я оглянулась.

Около меня, приветливо улыбаясь, стоял Ефим. От неожиданности я растерялась и несколько мгновений молча его разглядывала, потом торопливо кивнула и вновь развернулась к танцующим. Но тут Ефим резво подался вперед и ухватил меня за руку.

– Куда же ты?

Я попробовала выдернуть руку, досадуя на его несвоевременное появление. В любой другой момент я бы обрадовалась до сердечного приступа, но сейчас передо мной были испуганные глаза и съёжившиеся Иркины плечики.

– Эй, – продолжил между тем Ефим, не выпуская моей руки, – может, тебе не стоит туда ходить?

От удивления я прекратила дёргаться и взглянула ему в лицо, а он пояснил:

– Видишь ли... местная братва гуляет...

Да плевать мне на этих козлов, там Ирка, и унижать её я не позволю никакой братве, ни местной, ни заезжей. Стоящая рядом Надька нервно сглотнула и сжала кулаки.

– Стаська, надо забирать её и уходить...

Открыла Америку! А я что полчаса уже им втолковывала?

– Похоже, у вашей подружки неприятности, – вздохнул Ефим, – какая жалость...

Я сурово свела брови, а он вдруг притянул меня к себе и, сунув в руки ту самую бутылку шампанского, буркнул:

– Придется в другом месте выпить. – Я дёрнулась, он велел, – не волнуйся, это я прислал... Неторопливо и элегантно идёте к выходу, нигде не останавливаетесь... Слева от входа чёрный «Мерседес»... три-восемь-семь. Рулить умеешь? – Я кивнула. – Хорошо. Заведёшь и сядешь рядом.. р-я-д-о-м, поняла? Да, если симпатичный молодой человек из чёрного «СААБа» поинтересуется, в чём дело, скажешь, что Ефим будет с минуты на минуту...

– А... – начала я, но тут он меня прервал:

– Выметайтесь быстро, иначе через минуту-другую тебя тоже пригласят... на танец. А я не могу разорваться... Бери ключи, – и он сунул мне в руки связку.

После чего он вытащил из кармана деньги и бросил на столик. Я схватила Надьку за руку и потянула за собой.

Двинувшись к двери, я поняла, что Ефим был прав: от местной братвы в нашу сторону двигалась небольшая делегация, как видно, всерьёз решив устроить сегодня в ресторане вечер эротического танца. Придав Надежде бутылкой шампанского небольшое ускорение, я благополучно вытолкала её из зала, успев краем глаза увидеть, как к нашей несчастной танцорке подошел Ефим.

– А как же Ирка... – волочась за мной вниз, задыхающимся голосом спросила Надька. – Мы что, её бросили?

– Через пару минут узнаем, – чистосердечно призналась я, с тревогой оглядывая двери, ведущие на улицу.

Всякое может быть, если стоящая на дверях охрана уже получила соответствующие указания, нам ни в жизнь не пробиться. Как я упоминала, охрана здесь вся как на подбор, один шире другого. Но двери были свободны, двое охранников сидели в холле на диване и мирно беседовали, не обращая на нас внимания. Снизив на всякий случай скорость, мы чинно миновали двери и, соблюдая величайшую осторожность, спустились по крутым ступенькам.

– Где? – завертела я головой.

– Кто?

– «Мерседес»!

– Какой?

– Чёрный! Где у нас лево? – заорала я, чувствуя, что от волнения начинаю тупеть.

– Там! – ткнула Надька и расстроено добавила: – Что б я ещё раз в этот ресторан пошла!

Добравшись до чёрного «Мерседеса» и разобрав в потёмках номер, я принялась дёргать дверь, с опозданием поняв, что, как открыть замки, Ефим мне не объяснил.

Но волновалась я напрасно. Не успела я поднять связку, чтобы отыскать нужный ключ, возле меня возник двухметровый бритый детина с бычьей шеей и живописным рваным шрамом через всю щеку. Я охнула, едва не выронив ключи, и страстно захотела грохнуться в обморок, но тут увидела, что то же самое собралась проделать и Надька. Сообразив, что тогда некому будет поведать симпатичному молодому человеку о нашей нужде, взяла себя в руки и заблеяла:

– Ефим... будет... через минуту...

Парень окинул меня быстрым взглядом, скривил губы, отобрал ключи и молча сел в машину. Заведя мотор, он махнул нам рукой и вылез. Мы с Надькой плюхнулись на мягкие кожаные сиденья и, дрожа от нетерпения, выставились на двери ресторана. Детина куда-то пропал, через несколько секунд я услышала, как рядом заурчала машина.

Капали томительные секунды ожидания, ничего не происходило, машинально слизывая с губы выступившие капельки пота, я раздумывала, не является ли все это одной большой нехорошей шуткой.

– Сколько времени? – спросила наконец я.

Надежда шевельнулась, но потом спохватилась:

– Не знаю... часов нет. Погоди, вон на панели время горит... двадцать семь минут...

– А было сколько?

– Не знаю...

Тут Надька закатила глаза и простонала.

– Что с тобой? – перепугалась я, а она отозвалась:

– Ирка там сейчас... одна. Я вдруг представила...

Что представила себе Надька, мне узнать не довелось. Её видение было прервано грохотом настежь распахнувшейся двери ресторана и эффектным вылетом из неё дюжего охранника. В следующее мгновение с оглушительным звоном лопнуло стекло на одной из дверных створок, по ступенькам кувыркнулся ещё один страдалец, не делавший после этого никаких попыток подняться. Из холла ресторана донесся шум, перемежаемый звоном и воплями, но из человеческой речи можно было различить только мат, звучащий на удивление громко и разборчиво.

И вот наконец на крыльце показался Ефим, волочащий за собой полуживую от страха Ирку. Они быстро достигли ступенек и начали спускаться, но тут вдруг Ирка, взмахнув руками, словно лебедь крыльями, качнулась назад и начала заваливаться. Мы с Надькой дружно заорали, Ефим оглянулся, рванул подружку на себя и, чудом удержав равновесие на коварной лестнице, подхватил её на руки. Преодолев в три прыжка ступени, он в мгновение ока очутился возле машины, распахнул дверь и забросил к нам Ирку, словно мяч в корзину.

Между тем к дверям ресторана вывалила уже целая толпа, настроенная, судя по всему, весьма решительно.

Я глянула в окошко, успев про себя отметить, что молодой человек в «СААБе» ведёт себя не слишком энергично, лениво пережевывая жвачку и нехотя поглядывая на улицу. Когда Ефим впрыгнул на водительское место, очнулся, в конце концов, и водитель «СААБа». Машины взревели и рванули вперёд, но преследователи тоже времени даром не теряли. Самые рьяные из них успели завести машины и теперь живо разворачивались, намереваясь перегорodить нам дорогу.

Ресторан имел свою огороженную стоянку, и, к несчастью, машина Ефима была припаркована не самым лучшим образом. Теперь это обстоятельство могло нам дорогого стоить. Решившись ещё раз глянуть на улицу, я поняла, что большие проблемы прямо-таки стучатся к нам в окно...

«Мерседес» и «СААБ» летели рядышком по узкому проходу, а слева, наперерез нам, неся джип, который, как ни крути, будет на выезде раньше. Я уже закрыла глаза, ожидая столкновения, но вдруг откуда-то сбоку перед джипом выпрыгнули «Жигули». Откуда взялся этот ненормальный, я понять не смогла. Не иначе он был пьян вдребезги, однако нам здорово помог.

Водитель джипа, так же, как, вероятно, и мы, и представить себе не мог, что едва ли не в лоб ему вылетит машина, он крутанул руль, надеясь избежать столкновения, джип занесло, развернуло, и мы услышали грохот.

Вертящийся вокруг своей оси джип собрал не менее трёх машин, припаркованных на стоянке, подпрыгнул вверх и остановился. Мы, а следом за нами и «СААБ» резво вылетели на дорогу и рванули в хитросплетение старых улочек. «Мерседес» живо запетлял по тёмным дворикам, распугивая брызнувшие в стороны кошачьи компании.

Заваливаясь на поворотах, я тщетно пыталась разглядеть, что происходит позади, однако единственное, что можно было увидеть, это слепящие фары чёрного «СААБа». Гнаться за нами, похоже, никто не собирался. Я думаю, что теперешний вид того резвого джипа остудил даже самые горячие головы.

За окном мелькали тихие ночные улицы. Пролетев центральную площадь, Ефим свернул к парку Победы и притормозил. Я выдохнула и искоса посмотрела на Ирку. Выглядела она так, словно сидела на своих собственных поминках. Рядом маялась прямая, словно палка, Надька, и, судя по глазам, ей что-то очень хотелось сказать. Двинув Ирку в бок локтем, я поинтересовалась:

– Дорогая, ты жива?

Она повернула ко мне голову с совершенно очумевшими глазами и честно призналась:

– Не знаю...

Сидящий за рулем Ефим усмехнулся и глянул на нас в зеркало.

«Ну да, – подумала я, – ему весело... Конечно, он, наверное, таким образом через день в рестораны ходит, ему не привыкать. Хотя в «Магию» он ещё раз вряд ли пойдет!»

Ефим между тем молча вылез из машины и подошел к «СААБу», вставшему в трёх метрах позади нас. Его хозяин распахнул дверцу, и, перебросившись парой слов, мужики принялись хохотать, словно мы только что не ударили сломя голову через весь город, а вернулись с просмотра веселейшей комедии.

Проследив взглядом за Ефимом, Надька развернулась к нам и, качая головой, вздохнула:

– Отдохнули, ёлки-палки!

Ирка трагически закивала, а я вдруг рассмеялась. Девчонки замерли и вытаращились на меня, давясь смехом, я пояснила:

– В принципе это было довольно смешно...

Но они переглянулись и нахмурились.

– Это у тебя нервное. Не знаю, Стаська, мне смешно не было. – Ирка надулась и, похоже, собралась обидеться.

– Да ладно вам, – махнула я рукой, – всё же обошлось! Зато будет что вспомнить на пенсии.

– Обошлось? – буркнула Надька. – Как, интересно, теперь в городе показаться? Два года болтать будут!

– Ерунда! О чём тут болтать?

– Как о чём? О прекрасном принце, явившемся спасти прекрасную училку младших классов...

Я едва не подавилась от возмущения:

– Каких, каких классов? Это я, что ли, пируэты на лестнице выделявала? Мне привиделось, что это Ирина Захаровна была? Или у меня с головой проблемы?

– Наверное, проблемы, если не догадалась, ради кого он так старался.

– Ещё чего! – возмутилась я публично и даже дёрнула плечом, но в глубине души зарделась от сладкого томления.

Я же не круглая дура и кое-что соображаю. И, по совести сказать, вся эта суматоха меня мало уже волновала, гораздо больше волновал факт неожиданного появления Ефима, да ещё в таком героическом варианте.

Сейчас я даже жалела, что не пошла танцевать с этим придурком, но кто мог такое предвидеть? Я сгорбилась, собираясь впасть в печаль, но тут ткнулась локтем во что-то твёрдое. Нашупав рукой бутылку, я продемонстрировала её подругам:

– Эй, гляньте, что я прихватить успела!

– Свистнула, что ли? – спросила Ирка, с интересом разглядывая этикетку. – Похоже, дорогая...

– Что за уголовные наклонности у тебя? Почему сразу свистнула? Прислали к нам на столик, пока вы... вальсировали.

– Это кто ж так расщедрился?

– Ефим, – равнодушно бросила я и отвернулась к окну.

– Ну-у.. – Тут дорогие подруги явно забыли, что у них подавленное настроение, и наперебой принялись упражняться в остроумии:

– Гляди-ка, мужчина со средствами!

– Смотри, Стаська, за таким перспективным женихом глаз да глаз!

Я усмехнулась и спросила:

– Слушай, спасённая, расскажи, что хоть там у вас случилось?

На вопрос Ирка всплеснула руками и так затрясла головой, что я забеспокоилась, как бы она ненароком не оторвалась.

– Ой, девочки... – Далее последовало минуты три маловразумительных причитаний, но в итоге всё обошлось. – Точно не скажу, у меня в голове всё перепуталось, помню, подходит твой Ефим...

– Да почему мой? – разозлилась я.

– Ладно... Подходит Ефим и спрашивает: «Нельзя ли, дорогуша, пригласить вашу даму на танец?» А у меня к тому времени глаза уже в разные стороны, а вырваться от этого гада не могу... – В этом месте Ирка всхлипнула, Надька с готовностью сунула ей носовой платок. Но плакать та передумала. – «Пошёл...», говорит... ну сами знаете куда...

– Кто говорит, Ефим?

– Да нет же, этот... придурок. Тогда Ефим ка-ак развернётся, – Ирка в запале так размахнулась, что мы с Надькой пригнулись, – как даст, тот с копыт... Он меня за руку схватил, а там уже целая орава... – словно вспомнив что-то важное, она нахмурилась, подняла на нас глаза и отчеканила: – Он их всех, девочки, раз-бро-сал...

– А потом?

– Потом... Потом мы побежали вниз по лестнице... А там два охранника с резиновыми дубинками наперевес... как вам? Но мы даже не притормозили. Я только зажмурилась, не иначе, думаю, будет нам сейчас по шеям... Все вдруг начали орать, Ефим одному охраннику вмазал, другому... Кошмар...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.